
THE LIBRARY OF CONGRESS



ИДИЛЛІИ

Владиміра Панаева.



ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1820.

ИДИЛЛІИ

Владиміра Панаева.

> Il faut que l'amour des pasteurs soit aussi pur que le cristal de leurs fontaines; et comme la plus belle bergère perdoit tous ses attraits en perdant la pudeur, de même le principal charme d'une pastorale doit être d'inspirer la vertu.
>
> Florian.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1820.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, одинъ для Императорской Академіи Наукъ и одинъ для Санктпетербургской Духовной Академіи. Санктпетербургъ. Ноября 8 дня 1819 года.

Ценсоръ Ст. Сов. и Кав. Ив. Тимковской.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Происхожденіе Пастушеской, или справедливѣе, Сельской Поэзіи теряется во мракѣ древности. Мнѣнія ученыхъ о томъ различны. Одни полагали колыбелью оной Сицилію, другіе Аркадію, третьи Лаконію; и честь изобрѣтенія стихотвореній сего рода попеременно была приписываема то Дафнису (1) Ѳеокриту и Стезихору, то самимъ даже богамъ: Меркурію, Аполлону, Бахусу, Пану, Сильвану (2). Не останавливаясь на сихъ без-

(1) Сицилійскому Пастуху. Говорятъ, что онъ родился въ лавровой рощѣ. Нимфы воспитали его, а боги надѣлили красотою, пріятностію, даромъ Поэзіи, искуствомъ играть на семигласной свирѣли. Ему приписываютъ не только учрежденіе пастушескихъ споровъ, но даже утверждаютъ, что онъ первый соединилъ въ нѣкоторое общество разсѣянныхъ пастуховъ отечественной страны и научилъ ихъ наслаждаться жизнію. По сказанію стихотворцевъ, Дафнисъ умеръ отъ мученій любви.

(2) Принимая Пастушескую (Сельскую) Поэзію въ смыслѣ пространномъ, кажется справедливѣе было бы назвать отцемъ ея Гезіода, творца Поэмы *Работы* и *Дни*.

полезныхъ изысканіяхъ, скажемъ, что Пастушеская Поэзія, изображая преимущественно нравы и образъ жизни людей первобытнаго міра, должна быть современна началу соединенія ихъ въ общество. Выгоды и благотворныя слѣдствія сего соединенія, пробудивъ въ душѣ человѣка дремавшія дотолѣ чувствованія и помышленія, долженствовали естественнымъ образомъ пробудить въ ней и желаніе изливаться въ пѣснопѣніяхъ, сообразныхъ тогдашнимъ младенческимъ понятіямъ. Благодарность къ Божеству невидимому, но благому, и любовь были главнымъ, безъ сомнѣнія, содержаніемъ оныхъ (1). Мысль сія есть конечно также предположеніе; но достовѣрность существованія временъ патріархальныхъ, описанныхъ Моисеемъ, и столько подобныхъ золотому вѣку язычниковъ, дѣлаетъ оное вѣроятнымъ, и едва ли не въ въ книгахъ Священнаго Писанія должно искать первыхъ слѣдовъ Пастушеской Поэзіи?

Сіи-то блаженныя времена, дѣйствительно бывшія, или порожденныя токмо вообра-

---

(1) Мы увидимъ въ послѣдствіи, что Идиллія можетъ имѣть форму Оды, Гимна, Элегіи.

женіемъ стихотворцевъ; сіи-то счастливые обитатели плодоносныхъ долинъ Сициліи и живописныхъ береговъ Ладона, добродѣтельные, простосердечные, свободные, чуждые всѣхъ страстей и нуждъ, столько обыкновенныхъ въ наше время, составляютъ, какъ мы уже упомянули, предметъ Пастушеской Поэзіи; а образъ жизни сихъ невинныхъ людей, ихъ занятія, склонности, чувствованія, взаимныя отношенія и красоты природы, до малѣйшей оныхъ подробности — вотъ обильный источникъ, изъ коего дарованіе Поэта почерпаетъ содержаніе и прелесть разсказа.

Не льзя съ достовѣрностію опредѣлить, какъ назывался въ древности сей родъ стихотвореній? По крайней мѣрѣ сочиненія Ѳеокрита и Виргилія получили названіе *Идиллій* (Ειδιλλιον-*изображеніе*) и *Эклогъ* (Εχλνγχ-*отборныя сочиненія*) не отъ самихъ стихотворцевъ, но отъ Греческихъ и Латинскихъ Грамматиковъ, жившихъ въ послѣдствіи. Сіе двоякое наименованіе одного и того же ввело ученыхъ въ заблужденіе и послужило поводомъ къ раздѣленію произведеній Пастушеской Музы на Идиллію и Эклогу. Подъ именемъ Идилліи разумѣютъ они небольшое сочиненіе,

заключающее въ себѣ пріятное описаніе или повѣствованіе, отъ лица самаго автора; подъ именемъ Эклоги — ту же Идиллію, съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь авторъ скрывается уже за сцену и даетъ полную волю дѣйствовать своимъ героямъ — разговаривать, пѣть, или повѣствовать. Эклогѣ сверхъ сего приписываютъ болѣе силы и важности въ содержаніи. Но къ чему служитъ такое раздѣленіе, когда нельзя положить вѣрныхъ предѣловъ между Идилліею и Эклогою, когда въ одномъ и томъ же сочиненіи встрѣчаемъ ихъ соединенными? Геснеръ чувствовалъ неосновательность сего раздѣленія и назвалъ первый томъ своихъ твореній Идилліями. Самое значеніе этаго слова, близкое къ понятію, какое имѣемъ о Пастушеской Поэзіи, даетъ оному первенство на языкѣ Литтераторовъ, а имя Геснера дѣлаетъ употребленіе его неподверженнымъ сомнѣнію.

Не одни Пастухи могутъ быть дѣйствующими лицами въ сочиненіяхъ сего рода: — ими равно бываютъ Рыбаки, Земледѣльцы, Садовники и т. п. (1). Вотъ причина, по ко-

(1) Напримѣръ: въ Эклогахъ Санназара, въ Идилліяхъ Клейста и Броннера.

торой осмѣлился я назвать Пастушескую Поэзію *Сельскою.* Сіе наименованіе заключаетъ въ себѣ смыслъ несравненно обширнѣйшій, и токмъ принявъ оное, можно безъ ошибки отнести къ сему роду *Георгики* Виргилія, *Обитателя полей* Делиля, *Времена* Сенъ-Ламберта и другія, кои составляютъ особенное отдѣленіе Сельской Поэзіи, извѣстное вообще подъ именемъ Георгикъ (1). Здѣсь Стихотворецъ, не перелетая уже воображеніемъ во времена золотаго вѣка, воспѣваетъ красоты природы, удовольствія деревенской жизни, научаетъ ими пользоваться и располагать занятіями.

Кромѣ Идилліи и Георгикъ, область Сельской Поэзіи заключаетъ въ себѣ еще, такъ называемую, *Пастушескую Поэму*, которая, хотя изобрѣтена новѣйшими, но поелику въ ней воспѣвается обыкновенно какое нибудь важное происшествіе первыхъ временъ міра, напримѣръ: *Авелева смерть*, *Первая Война* и

(1) Георгики Виргилія можно безъ сомнѣнія отнести и къ роду Дидактическихъ Стихотвореній; но много ли общаго между ними и, напримѣръ, между *Наукою любить* Овидія и *Наукою о Стихотворствѣ* Буало?

и другія, то она справедливо можетъ быть причислена къ существеннымъ произведеніямъ Сельской Поэзіи. Что же касается до Пастушескихъ Драмъ и Романовъ (1), сихъ незаконныхъ дѣтей воображенія, которыя будучи утомительны по своей продолжительности, столь неприличной легкому, пріятному сочиненію, обезображены еще соединеніемъ сценъ городской и деревенской жизни: то, вопреки мнѣнію Флоріана, ихъ можно бы совсемъ исключить изъ круга Литтературы.

Такимъ образомъ Сельская Поэзія раздѣляется собственно на Идиллію, Георгики и Пастушескую Поэму. Займемся въ особенности первою.

Древніе, оставившіе намъ образцы почти во всѣхъ родахъ Поэзіи, и вмѣстѣ тщетное желаніе съ ними сравниться, не были, кажется, столько счастливы относительно Поэзіи

---

(1) Первый Пастушескій Романъ: *Любовь Дафниса и Хлои* написанъ Лонгомъ, превосходнымъ Греческимъ Поэтомъ четвертаго вѣка. Пастушескія Драммы введены въ употребленіе Тассомъ и Гвариини.

Пастушеской. Конечно Идилліи Ѳеокрита (1) исполнены простоты удивительной и живыхъ изображеній природы; но сія простота часто переходитъ предѣлы, становится, по крайней мѣрѣ для насъ, слишкомъ грубою; но сіе искуство изображать природу, избирая предметы иногда низкіе, теряется въ самыхъ мѣлочныхъ подробностяхъ, набросанныхъ безъ разбора и приличія (2). Примѣтно, что Виргилій (3) старался избѣгнуть недостатковъ

(1) Ѳеокритъ, Сиракузянинъ, жилъ во времена Птоломея Филадельфа. Ему приписываютъ тридцать, дошедшихъ до насъ, Идиллій. Кромѣ Ѳеокрита, Греки имѣли еще Мосха и Біона; но какъ тотъ, такъ и другой весьма уже удалились отъ простоты и естественности, главныхъ качествъ Идилліи.

(2) Симъ можно упрекнуть и Броннера, сътою еще невыгодою, что въ его подробностяхъ виденъ часто не простой наблюдатель природы, но ученый натуралистъ. Онъ не забылъ кажется ни одного насѣкомаго, ни одной амфибіи, живущихъ въ водѣ, или при берегахъ озеръ и рѣкъ: спрашиваю, кому пріятно видѣть на сценѣ сельдей, устрицъ, лягушекъ, раковъ и слизней?

(3) Кромѣ Виргилія, Римляне имѣли также двухъ Пастушескихъ Стихотворцевъ, жившихъ гораздо послѣ него, Тита Юлія Калпурнія и Магнуса Авзонія. Эклоги перваго имѣютъ много достоинства.

своего учителя. Его Эклоги, написанныя прекрасными стихами, были бы образцовыми, еслибъ менѣе дышали лестію, еслибъ въ нихъ не намѣкалось о Римѣ и вообще о предметахъ, превышающихъ понятія и свѣденія простодушныхъ обитателей полей. Нѣкоторые Италіянскіе, Испанскіе и Французскіе Поэты впали въ противную крайность (1). Желая избѣгнуть грубой иногда простоты Өеокрита, они, по слѣдамъ Мосха и Біона, удалились отъ естественности. Ихъ Пастухи одѣты щеголями; нѣжны, какъ Трубадуры; вѣжливы и остроумны, какъ придворные.

Но несмотря на упрекъ, который осмѣлились мы сдѣлать Пѣвцу Сициліи, онъ оста-

---

(1) Вотъ имена Пастушескихъ Стихотворцевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ у сихъ трехъ народовъ: у Италіянцевъ: Петрарка, Санназаръ, Тассъ и Гваринни; у Испанцевъ: Грассилассо, Георгъ де Монтемаіоръ (Португалецъ), Гильполо, Лопецъ де Вега, Фигероа и Михаилъ Серванитъ; у Французовъ: Маркизъ де Раканъ, Сегре, Г-ка Дезульеръ, Фонтенель, Ламотъ, Аббатъ Манженотъ, Беркенъ, Леонардъ, дѣвица Левекъ, Г-жа Вердіе и Флоріанъ. Къ нимъ, съ нѣкоторой стороны, можно присовокупить Делиля и Сенъ-Ламберта.

вался лучшимъ Пастушескимъ Стихотворцемъ до половины минувшаго столѣтія, и токмо Пѣвцу Гельвеціи предоставлено было превзойти его. Идилліи Геснера, подобно Ѳеокритовымъ, исполнены простоты; но простота сія не имѣетъ уже ничего низкаго или грубаго; онъ также изображаетъ природу, часто въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, но пользуется ими съ величайшимъ вкусомъ, съ строгою разборчивостію; и можно утвердительно сказать, что немногіе стихотворцы достигли столь высокой степени въ искусствѣ живописать. Его картины имѣютъ всю свѣжесть натуры. Самъ Вернетъ позавидовалъ бы Геснеровой кисти (1).

Предшественники сего неподражаемаго писателя, особливо новѣйшіе, кажется думали, что единственно любовь можетъ быть содержаніемъ Идилліи; по крайней мѣрѣ въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко найдешь что либо другое.

---

(1) Замѣчательно, что Геснеръ съ успѣхомъ упражнялся въ живописи и гравированіи. Прекрасные эстампы, коими украшены его творенія, изданныя въ Цирихѣ 1778 года, въ четвертую долю листа, были имъ самимъ нарисованы и выгравированы.

Но такое единообразіе наскучаетъ, и вотъ можетъ быть причина, по которой людямъ, незнакомымъ съ Нѣмецкою Литтературою, не столько нравится сей родъ Поэзіи (1). Если Пастухи Аркадскіе были также люди, то имъ не должны быть чуждыми всѣ тѣ склонности, чувствованія и связи, кои природа положила основаніемъ человѣческихъ обществъ. Не любовниками только — они могли быть супругами, родителями, дѣтьми, друзьями; не все молодыми и здоровыми — часто старыми и больными; не всегда богатыми — иногда бѣдными. Ибо сколько бы ни было вѣроятнымъ существованіе золотаго вѣка; но блаженствомъ совершеннымъ, такимъ, какое обыкновенно сопрягаемъ съ гадательнымъ понятіемъ о Раѣ, смертные никогда на земли не наслаждались: оно принадлежитъ Небу. — Геснеръ, можетъ быть,

(1) Нѣмецкая Литтература богата образцами въ семъ родѣ. Она справедливо можетъ гордиться именами Клейста, Броннера, Фосса, Шмита, Роста, Геллерта, Гертнера и другихъ. Шмитъ бралъ изъ Библіи содержаніе для своихъ Идиллій; сцены Ростовыхъ Пастушескихъ Сказокъ взяты, напротивъ, изъ настоящаго времени. Въ нихъ много вольнаго и соблазнительнаго.

первый, умѣлъ распространить предѣлы Пастушеской Поэзіи. Почтеніе къ богамъ, любовь родительская, дѣтская, супружеская, чувства дружбы и состраданія, рѣзвая веселость и тихая горесть, коими одушевилъ онъ свои Идилліи, дѣлаютъ ихъ разнообразными, правдоподобными, занимательными, близкими къ сердцу всякаго чувствительнаго человѣка, а что всего драгоцѣннѣе, наставительными — прекраснѣйшая цѣль, о которой древніе едва ли и помышляли.

Почти всѣ Пастушескіе Стихотворцы, подражая Ѳеокриту, вводили въ свои Идилліи Колдуновъ и Волшебницъ. Конечно понятію людей необразованныхъ свойственно прибѣгать къ пособіямъ чародѣйства; но всегда ли то хорошо, что взято съ натуры? И можетъ ли нравиться Пастухъ, снискивающій любовь Пастушки помощію приворотнаго корешка или наговора? — Только цѣною собственнаго сердца долженъ онъ пріобрѣтать сердце своей любезной.

Иные, можетъ быть, спросятъ: „для чего Стихотворцы не переселятъ Идилліи въ наши времена?" — Тогда она совершенно лиши-

лась бы своего достоинства, даже правдоподобія, а писатель увидѣлъ бы себя въ самомъ затруднительномъ положеніи. Извѣстно каковы нынѣшніе пастухи и земледѣльцы: продолжительное рабство сдѣлало ихъ грубыми и лукавыми. Такими ли привыкли мы воображать счастливыхъ обитателей Аркадіи? И можно ли это согласить съ тою невинностію и чистотою нравовъ, съ тѣми нѣжными, благородными чувствованіями, въ которыхъ должна заключаться сущность Идилліи? — Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы умный, наблюдательный писатель не нашелъ и въ образѣ жизни нашихъ поселянъ новаго источника красоты: нужно только умѣть пользоваться онымъ. — Сія выгода, переноситъ дѣйствіе во времена отдаленныя, сверхъ того, что дѣлаетъ повѣствованіе и свойства лицъ правдоподобными, доставляетъ Стихотворцу другую, довольно важную: она открываетъ предъ нимъ богатое поле Миѳологическихъ вымысловъ. Выводя на сцену Нимфъ и Сатировъ, можно придать Идилліи характеръ древности, сдѣлать ее разнообразнѣе, занимательнѣе.

Признано уже, что простота нравовъ вѣка Θеокритова и почтеніе, въ которомъ было тогда земледѣліе, много способствовали его успѣху (1). Для насъ, удалившихся отъ природы на такое разстояніе, успѣхъ сей сопряженъ съ великими трудностями; но, не смотря на то, слава Пастушескаго Стихотворца въ нашъ вѣкъ неслишкомъ блистательна. Не потому ли, что звуки свирѣли менѣе громки, чѣмъ звуки трубы и лиры? Нѣтъ, можетъ быть потому, что не всякой слухъ способенъ услаждаться нѣжною оныхъ гармоніею. Идиллія никогда не понравится человѣку, котораго сердце закрыто уже для сладостныхъ впечатлѣній невинности и милаго простодушія, кто незнакомъ съ пріятностями мирной сельской жизни, кто равнодушенъ къ прелестямъ природы и не нау-

---

(1) Миθологія и Исторія подаютъ справедливую причину думать, что пастушеское состояніе было нѣкогда въ большомъ уваженіи. Его не стыдились цари и самые боги: Парисъ на горѣ Идѣ пасъ стада отца своего, Аполлонъ былъ пастухомъ у Адмета. Вотъ поводъ допускать въ дѣйствующихъ лицахъ Идилліи нѣкоторую степень образованности и познаній.

чился наблюдать тайныхъ красотъ ея, которыя съ перваго взгляда кажутся ничтожными; — кто, наконецъ, привыкъ находить удовольствіе единственно въ вихрѣ свѣта, а въ произведеніяхъ Словесности искать затѣйливости или высокопарности мыслей. Правда такихъ людей на свѣтѣ больше; но да утѣшатся послѣдователи Геснера собственнымъ его примѣромъ. „Если я, подобно Ѳеокриту, понравлюсь немногимъ — сказалъ онъ въ предисловіи къ своимъ Идилліямъ — то почту сіе счастливымъ знакомъ, что подражалъ ему удачно.“ —

Идиллія, если по примѣру сего писателя будемъ разумѣть подъ нею и Эклогу, можетъ быть описательная, повѣствовательная, драмматическая, элегическая и эпическая. Я не остановлюсь на изслѣдованіи сихъ различныхъ ея видовъ: чтеніе образцовъ покажетъ то яснѣе; скажу только вообще о качествахъ слога оныхъ. Языкъ Пастуховъ есть языкъ сердца, а потому въ немъ должны они искать выраженій для изъясненія своихъ чувствованій; вселенная ограничена для нихъ усадьбою деревни, — пусть же и краснорѣчіе ихъ (вмѣстѣ съ понятіями) будетъ имѣть свои

предѣлы; долины, горы и лѣса суть театръ, на которомъ они дѣйствуютъ — вотъ источникъ, изъ коего рѣчь ихъ заимствуетъ украшенія пінтическія — Впрочемъ тонъ разговора, особливо пѣсень, можетъ возвышаться сообразно предметамъ и самому возрасту Пастуховъ. Юноша нѣженъ, веселъ и безпеченъ; старикъ важенъ и поучителенъ въ своихъ бесѣдахъ; козлоногій Сильванъ грубъ и смѣшонъ, какъ дикая его наружность; ревнивый любовникъ наполняетъ поля и лѣса своими жалобами; счастливый супругъ съ благороднымъ восторгомъ описываетъ удовольствія сѣмейственной жизни. Всѣ сіи различныя свойства и отношенія лицъ должны быть изложены приличнымъ каждому изъ нихъ образомъ, или иначе, слогъ Идилліи долженъ быть простъ и чистъ, подобно невинности пастушескихъ нравовъ; живописенъ, подобно картиннымъ видамъ сельской природы; благороденъ, какъ сама добродѣтель.

Сіе краткое обозрѣніе произведеній Сельской Музы вообще, и въ особенности Идилліи, ведетъ насъ къ справедливому заключенію, что родъ сей составляетъ существен-

ную часть Поэзіи, ибо дѣйствуетъ на сердце и воображеніе; что онъ имѣетъ тайную, можетъ быть, ему одному свойственную, прелесть для души нашей, ибо напоминаетъ ей счастливое время ея младенчества; что наконецъ писатель, посвящающій себя оному, долженъ напередъ изучиться наблюдать природу, познакомиться съ человѣческимъ сердцемъ, и стараться столько же быть полезнымъ, сколько желаетъ нравиться.

Вотъ нѣсколько моихъ и чужихъ мыслей о Пастушеской (Сельской) Поэзіи. Я счелъ не излишнимъ предложить ихъ моимъ читателямъ, и, можетъ быть, поступилъ неосторожно: теперь не мудрено сбыться со мною извѣстной истинѣ: *совѣтовать гораздо легче, нежели исполнять совѣты*. Но что нужды? Я могу утѣшиться тѣмъ, что и въ такомъ случаѣ останусь небезполезнымъ: примѣръ мой будетъ поучителенъ для другихъ, а примѣры всегда убѣдительнѣе наставленій.

Почти всѣ просвѣщенные народы упражнялись въ Сельской Поэзіи (1); но Нѣмцы

(1) Въ Англіи отличились въ семъ родѣ Попе, Томсонъ, Сидней и другіе.

болѣе прочихъ въ оной успѣли (1), и Геснеръ, кажется, возвелъ ее на послѣднюю степень совершенства. У насъ, въ Россіи, поле сіе остается еще невоздѣланнымъ. Скажутъ: мы имѣли Сумарокова; правда, но можемъ ли имъ похвалиться (2)?

Сколько сей недостатокъ нашей Словесности, столько и собственная склонность слѣдствіе, можетъ быть, образа первоначальнаго моего воспитанія, мирной сѣмейственной жизни и частаго пребыванія въ деревнѣ, внушили мнѣ намѣреніе испытать себя въ семъ родѣ. Я видѣлъ всю трудность исполненія; но лучше хотѣлъ заблудиться на стезѣ новой, нежели идти избитою дорогою нашей Оды, нашей Басни, и вообще умножить толпу неудачныхъ подражателей лучшимъ нашимъ писателямъ. Геснеръ, попавшійся мнѣ въ руки въ то счастливое время жизни, когда чувствованія, коими одушевлены его

---

(1) Разумѣя собственно Пастушескую.

(2) Переводы Эклогъ Виргилія и Идиллій Гжи Дезульеръ, которыми подарилъ насъ Г. Мерзляковъ, не могутъ назваться собственностью нашей словесности.

творенія, наиболѣе дѣйствуютъ на сердце человѣка, сдѣлался любимцемъ моимъ, образцомъ, которому я осмѣлился послѣдовать.

Изъ 24 Идиллій, предлагаемыхъ здѣсь сужденію читателей, нѣтъ ни одной собственно принадлежащей Геснеру; но я старался подражать ему вездѣ, гдѣ позволяли то слабыя мои способности и трудность стихосложенія, съ коею въ особенности сопряженъ сей родъ Поэзіи.

ЛЮБЕЗНОЙ СЕСТРѢ МОЕЙ

ПОЛИКСЕНѢ ИВАНОВНѢ

РЫНДОВСКОЙ.

Когда еще, питомецъ Музы сельской,
Я звуки робкіе свирѣли деревенской
Однимъ лишь родины дубравамъ повѣрялъ,
Полина милая! не твой ли взоръ привѣтной
Впервые юнаго поэта ободрялъ?
Не твой ли нѣжный вкусъ, стезею непримѣтной,
Меня на берега Ладона провождалъ?
Не ты ли, пола украшенье,
Вмѣстившая въ себѣ (къ чему мнѣ быть льстецомъ?)
Живое рѣдкихъ свойствъ души изображенье,
Была моихъ пастушекъ образцомъ?
Пускай же и теперь, когда въ шуму столицы,
Гдѣ изстари гремятъ лишь арфы да цѣвницы,
Дерзнулъ я повторить на деревенской ладъ
Простой Аркадскихъ пѣсень складъ,
Ты будешь первая, къ которой долетятъ
Ихъ звуки обновленны:

И если (какъ же быть?) влекомый суетой,
Я родины далекъ, я разлученъ съ тобой;
    То пусть они, изъ сердца извлеченны,
        Въ минуты, дружбѣ посвященны,
Съ твоею за меня бесѣдуютъ душой!



ИДИЛЛІИ.

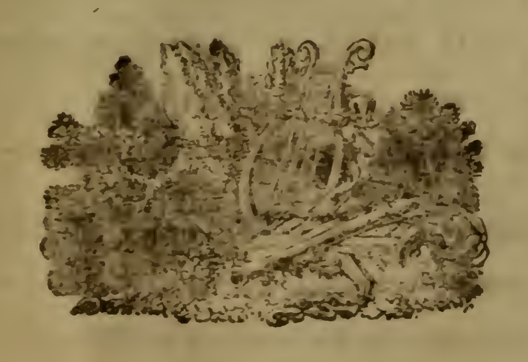
ИДИЛЛІЯ I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СВИРѢЛИ.

Однажды, стоя надъ рѣкою,
Подъ ивою густою,
Такъ Пастушокъ Миртилъ
Безсмертныхъ въ горести молилъ:
,,Умилосердитесь, о боги, надо мною!
Внемлите жалобамъ моимъ,
Невольному сердечну, стону!
Вотъ двѣ уже весны, какъ я люблю Клеону;
Но ею не любимъ!
Я молодъ, я пригожъ собою:
То каждый ручеекъ Миртилу говоритъ;
Не бѣденъ: сто овецъ гоняю къ водопою —
За чтожь бы кажется Миртила не любить? —
За то, ну сами разсудите,
И горю пособите,
За то, что не умѣю пѣть! —
Онажь, упрямица, она велитъ умѣть! —
Знакъ, правда, не худой, но какъ ни принуждаю
Суровый голосъ мой — ей пуще досаждаю.

О боги добрые! лишите стадъ меня,
Все у меня возьмите,
Лишь только научите,
Чтобъ какъ нибудь умѣлъ Клеонѣ вторить я!
Вѣдь всякой пастушокъ поетъ съ своей любезной." —
Едва Миртилъ умолкъ, вдругъ легкій вѣтерокъ
Повѣялъ на тростникъ, обсѣвшій бережокъ,
И звукъ пріятной, нѣжной
Достигъ его ушей. Онъ къ камышу бѣжитъ,
Прилѣжно слушаетъ, туда, сюда глядитъ,
И видитъ наконецъ, что скрывши съмежъ листами,
Малюточка Зефиръ въ источенну червями,
Сухую дуетъ трость. Трепещущей рукой
Онъ вмигъ ее срываетъ;
Самъ дуетъ въ тросточку, лады перебираетъ,
И тросточка играетъ.
Миртилъ въ восторгѣ самъ не свой.
„Вотъ что, онъ думаетъ, замѣнитъ голосъ мой!" —
Тогда, какъ говорятъ, предсталъ ему внезапно,
Съ зеленымъ плющевымъ вѣнкомъ вокругъ роговъ,
Богъ, покровитель пастуховъ;
Въ минуту изъяснилъ искусство непонятно,
Владѣть свирѣлью научилъ. —
Миртилъ, внушенный имъ, любовью вдохновеный,
Съ зарею каждою въ мѣста уединенны
Украдкой уходилъ,
И тамъ свирѣли нѣжны тоны
Старался подъ голосъ подлаживать Клеоны,
Любимы пѣсенки Пастушкины твердилъ.

Далеко сладкій звукъ по рощамъ разносился;
Всякъ слушалъ и дивился;
А онъ часъ отъ часу межь тѣмъ
Игралъ все лучше и складнѣе,
Все становился веселѣе.
О радость! наконецъ постигъ уже совсемъ
Искуство, данно вышней силой,
И вотъ, надежды полнъ, идетъ къ суровой-милой;
„Спой пѣсню" говоритъ ей ласково: — поетъ;
Пастухъ къ устамъ свирѣль кладетъ —
Играетъ —
Клеона слушаетъ, и млѣя, умолкаетъ.
Съ сихъ поръ утѣшенный Миртилъ
Клеонѣ сталъ любезенъ, милъ;
И чѣмъ пріятнѣе свирѣль его играла,
Тѣмъ больше ласкъ она счастливцу расточала.
Онъ вскорѣ всѣхъ игрой плѣнилъ:
Всѣ шли внимать ему, — онъ каждаго училъ.



ИДИЛЛІЯ II.

Меналкъ и Тирсисъ.

Въ осеннюю ночь Меналкъ, лѣтами отягченный,
Какъ вѣтьви тополя зимой
Бываютъ снѣгомъ опушенны —
Такъ сѣдинами умащенный,
Оставя хижину, и дряхлою рукой
На юнаго опершись сына
(Тирсиса даровалъ Зевесъ ему едина),
Побрелъ на ближній холмъ,
Да насладится тамъ полночи тишиною.

Сводъ неба озаренъ былъ полною луною;
Какъ бы склонясь съ высотъ серебрянымъ челомъ,
Она волшебный свѣтъ на землю проливала,
А зеркальна рѣка ея и тверди видъ
Въ своихъ струяхъ изображала.

Повсюду тишина: угрюмый боръ молчитъ;
Лѣсъ дремлетъ; мертвымъ сномъ одѣяна равнина;
Покоится во мглѣ долина;
Все спитъ,
Лишь изрѣдка въ селѣ ночный пѣтухъ кричитъ.

Безмолвствуя Менялкъ взиралъ на сводъ небесный;
Взоръ старца пробѣгалъ, теряясь, по звѣздамъ;
Душа, за взоромъ вслѣдъ, стремилася къ богамъ.
Тирсисъ же, юноша прелестный,
Смотрѣлъ съ холма въ рѣку — вблизи она текла —
Смотрѣлъ, и любовался,
Какъ ясный мѣсяцъ отражался
Отъ влажнаго ея стекла.

Отецъ и сынъ еще молчали;
Лишь вздохи перваго молчанье нарушали;
Но вотъ Тирсисъ его прервалъ:
„Родитель! онъ сказалъ,
„Какая ночь! тепло хоть бы весною,
„Свѣтло какъ будто днемъ,
„А небо чисто такъ, ни о́блачка на немъ,
„И даже мало звѣздъ; но я плѣненъ луною:
„Какъ кротко, весело она на все глядитъ! . . .
„Но ты не отвѣчаешь?
„Не слушаешь меня, вздыхаешь:
„Ахъ! вѣрно на сердцѣ скорбь тяжкая лежитъ?
„Знать тайною какой снѣдаемъ ты кручиной?“

Меналкъ.

Не ужель скорбь всегда унынія причиной?
Нѣтъ, сынъ мой, иногда ночная тишина,
Безмолвіе полей, луна
И звѣзды, что тебя, младенецъ, забавляетъ,
Въ священны думы погружаетъ.

Вотъ я кажусь прискорбенъ отъ чего.
Такъ, восхищаяся премудростью творенья,
Исполненный къ богамъ благодаренья,
Изъ глубины души и сердца моего
Я возсылалъ теперь къ нимъ теплыя моленья.
Но только ль, что теперь; нѣтъ, каждый день и часъ
Признательный они Меналка внемлютъ гласъ! —
И можно ли намъ быть неблагодарнымъ?
Кто, сынъ мой, небеса лазурію покрылъ?
Кто ихъ безмѣрное пространство озарилъ
Въ ночь блѣдною луной, въ день солнцемъ свѣтозарнымъ?
Кто рощи и лѣса кудрявы насадилъ,
Поля одѣлъ травой, украсилъ ихъ цвѣтами,
Моря сдержалъ брегами?
Кто, наконецъ, скажи, мнѣ даровалъ тебя,
Въ комъ старости моей опору вижу я?
Не боги ль? О Тирсисъ! Благоговѣй предъ ними!
Признательность къ богамъ есть первый долгъ людей!

Тирсисъ.

О, я люблю боговъ! И завтра же съ зарей
На жертвенномъ огнѣ сожжется предъ благими
Та бѣлая овца,
Которую Тирсисъ у Дафниса пѣвца
Недавно выигралъ: она была закладомъ:
Мы пѣли; чтожъ? твой сынъ и голосомъ и складомъ
Соперника затмилъ,
А онъ овечку мнѣ вручилъ.
Но, какъ мнѣ ни лестна награда,

И какъ ни дорога мнѣ бѣлая овца —
Отдамъ ее богамъ; не пожалѣлъ бы стада,
Когдабъ имѣлъ его: ахъ, вѣдь они отца
Тирсису даровали!—
(Тутъ слезы на глазахъ Тирсиса заблистали).

Меналкъ.

Благодарю тебя. Такъ, сынъ мой, такъ Тирсисъ,
Молись Богамъ, молись!
Люби ихъ, приноси имъ лучшее стяжанье;
Будь честенъ, добръ, трудолюбивъ;
Дѣлись съ убогими — и будешь ты счастливъ!
И боги въ воздаянье
За добрыя твои дѣла
Предохранятъ тебя отъ зла
И всякое твое благословятъ дѣянье!
Не будешь бѣденъ стадомъ ты;
Обильные дадутъ поля тебѣ плоды;
Въ женѣ найдешь пастушекъ украшенье,
А въ дѣтяхъ утѣшенье!
Я прожилъ восемдесять лѣтъ;
Уже и дряхлъ и сѣдъ,
Но знай, лѣта сіи казались мнѣ часами —
Однимъ прекраснымъ, долгимъ днемъ!
Такъ былъ я милованъ благими небесами.
За чтожь? За то Тирсисъ, что я всегда, во всемъ
Боговъ повиновался волѣ.
Беспечно прыгали мои овечки въ полѣ:
Ихъ никогда ни моръ, ни волкъ не похищалъ;

Съ избыткомъ жатву я златую собиралъ:
Зной не палилъ ее, а градъ не побивалъ.
Но это все ничто: я счастливъ былъ женою,
Твоею матерью, оплаканною мною!
Въ ней, въ Хлоѣ, дней моихъ блаженство видѣлъ я!
Но ахъ! прiявъ тебя,
Счастливѣйшiй отецъ съ супругой разлучился!
И драгоцѣнный прахъ въ сырой землѣ сокрылся!...
Тяжелъ былъ сей ударъ; но я, я не роптал:
Кто далъ ее мнѣ, тотъ и взялъ. —
О сынъ мой! можетъ быть, сближается мгновенье,
Когда познаешь ты со мною разлученье!
Переноси его, будь твердъ подобно мнѣ:
Лей слезы лишь однѣ,
Но спорить не дерзай съ судьбою.
Бываютъ мрачны дни и лѣтомъ и весною,
Мутится иногда и свѣтлой ручеёкъ —
Всегда ли веселиться?
Неотвратимъ злой рокъ:
Ты долженъ ко всему, о сынъ мой, приучиться.—
Такъ, такъ, я чувствую, что скоро смертный часъ
Похититъ дневный свѣтъ изъ тусклыхъ старца глазъ!
О, осень! не спѣши сокрыться!
Дай мнѣ еще красой природы насладиться!
Ужь болѣ для меня не возвратишься ты:
Я слышалъ Хлои гласъ призывный!....
Зима минетъ — и ахъ! ко мнѣ, на холмъ могильный,
Мой сынъ придетъ срывать весеннiе цвѣты!....
Умолкъ, и тяжко воздыхая,

Далъ волю течь своимъ слезамъ;
Тирсисъ же, какъ дитя рыдая,
Упалъ къ родительскимъ стопамъ.



ИДИЛЛІЯ III.

Мечтатель Миртилъ.

Полдневные лучи съ высотъ небесъ лилися;
Зефиръ не шевелилъ листовъ;
Овечки берегомъ Ладона улеглися;
И уклонившійся въ прохладну сѣнь дерёвъ
Миртилъ, въ тотъ самый день съ Филлидой обрученный
Счастливѣйшій изъ пастуховъ,
Пѣлъ, въ сладкія мечты и думы погруженный:
,,Ахъ! вѣрить ли тому, что сбудется со мной?
Уже ли въ самомъ дѣлѣ
Чрезъ двѣ иль три недѣли,
Я мужемъ назовусь Филлидѣ дорогой?....

О, проходи же время срока!
Повѣй, блесни скорѣе отъ востока
То утро радостнаго дня,
Когда предъ олтаремъ Гимена
Съ Филлидой преклонивъ колѣна,
И тайныя мольбы сердецъ соединя,
Мы повторимъ обѣтъ священный,
Который утвердитъ союзъ на вѣки нашъ! —
Съ какимъ восторгомъ я, жрецомъ благословенный,





Рис. И. Иванов. Грав. И. Ческий.

Изъ храма поведу ее къ себѣ въ шалашъ!
Съ какими чувствами, вступивъ подъ кровъ смиренный,
И милую обнявъ, скажу ей: я убогъ,
Вотъ все мое: шалашъ укромный и полстада;
Но если наградилъ меня тобою Богъ —
То я уже богатъ, мнѣ ничего не надо!
Но если ты со мной,
То эта хижина мнѣ будетъ рай земной!
Скажу, и слезы умиленья
Блеснутъ у милой на глазахъ;
Я самъ на грудь ея паду тогда въ слезахъ. —
Сей первый день соединенья
Пройдетъ о будущемъ въ мечтахъ.
А завтра, раннею проснувшися порою,
Лишь чуть забрежжетъ свѣтъ надъ ближнею горою,
Собравъ овецъ своихъ, взявъ шляпы, посошки,
Пойдемъ на паству мы. Тамъ, на долинахъ злачныхъ,
Толпой сберутся къ намъ пастушки, пастушки;
Съ улыбкой встрѣтятъ насъ, супруговъ новобрачныхъ;
И утро въ дружеской бесѣдѣ, ласкахъ ихъ,
Въ трудахъ, столь легкихъ для двоихъ,
Невидимо идетъ, минутой пролетаетъ.
Вотъ полдень наступаетъ;
Зной солнечный велитъ убѣжища искать,
И мы спѣшимъ въ лѣсокъ, подъ тѣнію древесной
Укрыться отъ него, въ прохладѣ отдыхать.
Журчанье ручейка, изъ подъ скалы навѣсной
Текущаго лѣниво межь цвѣтовъ,
Шептаніе листовъ,

И тихія моей свирѣли
Трели —
Все, все невольно призоветъ
Пастушку къ сладкому покою:
Она разнѣжится, склонится головою
Въ колѣна мнѣ, заснетъ . . .
Чтожь буду дѣлать я? — Я буду наслаждаться
Ея спокойствіемъ, я буду любоваться
Филлидиной красой:
Лилейной груди бѣлизной,
И черными, съ плеча упавшими кудрями,
И алыми устами,
И свѣжимъ, розовымъ румянцемъ полныхъ щёкъ,
Который каждый мотылёкъ
Сочтетъ навѣрно за цвѣтокъ.
Но я и мотылька къ Филлидѣ приревную!
И, чтобъ ему не дать
Ее поцѣловать,
Самъ милую мою скорѣе поцѣлую. —
Но вотъ ужь солнце за горой;
Ужь вечеръ наступаетъ
И тѣни длинныя по лугу разстилаетъ;
Всѣ съ пастбищь и полей домой;
Пора и намъ идти; и мы, рука съ рукою,
Гоня передъ собою
Рѣзвящихся овецъ,
За ними же домой приходимъ наконецъ.
Теперь, когда ужь солнце сядетъ,
И мѣсяцъ молодой изъ облаковъ проглянетъ,

Какъ соберутся всѣ въ кружокъ
Среди селенья на лужокъ,
Мы будемъ пѣть, плясать, мѣшаться въ хороводы,
Или — кто насъ лишилъ свободы? —
Пойдемъ вдвоемъ, она да я,
Къ рѣкѣ, за шалаши, послушать соловья;
Смотрѣть, какъ тусклыя въ тиши струятся воды,
Какъ станетъ потухать вечерняя заря. —
Въ такомъ-то счастіи, годовъ не примѣчая,
Не только этотъ день, вся наша жизнь пройдетъ!
Ахъ! если къ этому Зевесъ намъ ниспошлетъ
Еще дѣтей, то, даже увядая,
При старости самой,
Не позавидуемъ четѣ мы молодой:
Все съ юными останемся сердцами!" —

Такъ пѣлъ онъ и не зналъ, что тутъ же, за кустами,
Въ двухъ отъ него шагахъ,
Филлида, съ сладкими слезами на глазахъ,
Разстроганна стояла,
И жребій свой въ душѣ благословляла.



ИДИЛЛІЯ VI.

Палемонъ и Дамонъ.

Палемонъ.

Куда бѣжишь Дамонъ?
Какъ веселъ! отъ чего?

Дамонъ.

Ахъ, милый Палемонъ,
Я счастливъ, я любимъ! Спѣшу утѣшить Хлою.
На дняхъ, въ кустарникѣ, за этою горою
Отстала у нее овца;
Вотъ, я ее нашелъ; какъ радъ, что удалося!
А то досталось бы бѣдняжкѣ отъ отца!

Палемонъ.

Давноль, и какъ, скажи, сбылося,
Что и твое Амуръ сердечко подстрѣлилъ?

Дамонъ.

Ужь сполгода, какъ я пастушку полюбилъ,
И вскорѣ увидалъ, что ей взаимно милъ;
Но . . . . .

Палемонъ.

Сердце робкое себѣ не довѣряло:
Ты видѣлъ, что любимъ, а все казалось мало;
Не правда ли, Дамонъ? Такъ и со мной бывало.

Дамонъ.

Ты угадалъ. Краснѣла ли она
И длинныя къ землѣ рѣсницы опускала,
Оставшися со мной нечаянно одна;
Всегдаль случалась у окна,
Когда издалека Дамона примѣчала,
И взорами его встрѣчала, провожала —
Я думалъ: это такъ. Плясала ли со мной
Охотнѣй, чѣмъ съ другими;
Была ли пѣснями довольнѣй всѣхъ моими;
Носилаль на груди цвѣтокъ любимый мой;
Хвалила ли меня, не могши нахвалиться,
Подругамъ и роднымъ своимъ;
Сердилась ли, когда иной порой случится,
Шаля, ласкаться мнѣ къ пастушкамъ молодымъ—
Я, глупый, все еще увѣриться страшился,
И нѣжность Хлоину, не чудноль? въ простотѣ,
Къ одной лишь относилъ сердечной добротѣ!
Любилъ, но отъ себя и отъ другихъ таился.

Палемонъ.

Чтожь, наконецъ она призналась?

Дамонъ.

Нѣтъ.

Палемонъ.

Такъ на твое дала признаніе отвѣтъ?

Дамонъ.

Совсемъ не то. Моя собачка потеряла
Ошейникъ шелковой тесьмы

(Съ сестрою въ городѣ его купили мы);
Я много горевалъ, какъ вдругъ вчера вбѣжала
Лициска съ лентою на шеѣ голубой,
Которая съ волосъ у Хлои развѣвала
На *праздникѣ цвѣтовъ*, что, помнишь, былъ весной.
О, въ это, Палемонъ, мгновенье
Не только я забылъ потерю — самъ себя!
Какое можетъ быть, скажи, теперь сомнѣнье?
Не ясно ли, что милъ, что дорогъ Хлоѣ я?
Не лучшель всякихъ словъ мнѣ то она сказала? —
Ну, кстати, рѣзвая, ты въ горы забѣжала,
И, вздумавши пропасть, дала себя сыскать.
Ахъ! Хлоя въ радости, мой другъ, не будетъ знать,
Какъ ей благодарить Дамона, что сказать!
Но я — лишь поцѣлуй потребую въ награду,
И въ томъ одномъ найду отраду,
Чтобъ видѣть милую, утѣшенною мной;
Прощай!

Палемонъ.

О возрастъ золотой!
Лѣта, завидныя стократно!
Почто проходите такъ скоро, невозвратно?



ИДИЛЛІЯ V.

Тирсисъ.

Вечерняя заря, блѣднѣя, догарала;
Послѣдній лучь ея за рощею исчезъ,
И полная луна съ востока выплывала
По тусклой синевѣ безоблачныхъ небесъ.
Тирсисъ, въ задумчивости сладкой,
Одинъ, надъ озеромъ стоялъ,
И тихо взоръ его блуждалъ,
Изъ края въ край, по гладкой
Поверхности спокойныхъ водъ,
Въ которыхъ отраженъ былъ мѣсяца восходъ.
Сколь сильны иногда благія впечатлѣнья
Для юныхъ и простыхъ сердецъ!
Злой волкъ у Дафниса похитилъ двухъ овецъ,
Все, что отъ скуднаго имѣнья
Оставить могъ ему отецъ.
Бѣднякъ конечнобы отъ горя сокрушился;
Но съ нимъ Цефизъ послѣднимъ подѣлился:
Взамѣнъ похищенныхъ привелъ къ нему своихъ.
Тирсисъ нечаянно случился
Въ то время близко ихъ;
Не бывъ примѣченнымъ, онъ видѣлъ очень ясно,

Съ какимъ радушіемъ Цефизъ овецъ дарилъ,
Въ какомъ восторгѣ былъ несчастной,
И подвигъ юноши прекрасной
Изъ мыслей у него весь день не выходилъ:
Съ нимъ онъ и по полямъ задумавшись бродилъ,
Съ нимъ и надъ озеромъ въ мечтахъ остановился.

„О! какъ пріятно добрымъ быть —
Онъ съ чувствомъ наконецъ сказалъ и прослезился.—
Какъ весело благотворить!
Теперь лишь познаю, родитель незабвенный,
Столь рано отъ меня могилой похищенный!
Теперь лишь познаю, всю цѣну тѣхъ бесѣдъ,
Когда, невинностью моею умиленный,
Ты повторялъ младенцу мнѣ завѣтъ
Любить боговъ и добродѣтель!
Когда, отецъ сиротъ, несчастныхъ благодѣтель,
Обнявъ меня, твердилъ, что помогать другимъ,
Дѣлиться съ бѣдными, прислуживать больнымъ,
Есть долгъ священнѣйшій, такое наслажденье,
Котораго ничто не можетъ замѣнить!
Я обѣщалъ тебѣ, тебя достойнымъ быть;
Но могъ ли я тогда цѣнить
Теперь понятное твое мнѣ наставленье?
Такъ, это сладкое души моей движенье,
Которымъ я Цефизу одолженъ,
Ручается тебѣ, что трудъ твой награжденъ,
Что сынъ твой не забылъ отеческихъ внушеній!...
Отнынѣ слѣдовать начну во всемъ тебѣ,

Пойду путемъ благотвореній,
Жить буду для другихъ, себяжь — предамъ судьбѣ;
И всякой разъ, когда при помощи небесной,
Сей продолжая путь,
Случится сдѣлать мнѣ добро кому нибудь —
Спастиль рукою неизвѣстной
Убогаго отъ нищеты,
Иль слезы осушить безродной сироты —
На гробъ твой свѣжіе посыплются цвѣты,
Вино и молоко польется!
Ты эти чувства мнѣ, родитель мой, внушилъ,
Ты первый добрымъ быть Тирсиса научилъ —
Тебѣ же первому имъ жертва принесется!“



ИДИЛЛІЯ VI.

Милонъ.

,,Какъ я обрадую Филлиду дорогую!
Давно уже хотѣлось ей
Здѣсь бѣлыхъ насадить лилей:
Вотъ сколько ихъ теперь! срывай себѣ любую!"
Такъ юный говорилъ Милонъ,
Почти невидимъ межъ кустами,
Въ Филлидиномъ саду, куда до солнца онъ
Пришелъ съ нарытыми заранѣе цвѣтами,
И тамъ ихъ рядышкомъ по грядкѣ разсадилъ.
Милонъ хоть молодъ былъ, но онъ уже любилъ.
,,Ты встанешь, продолжалъ, случишься у окошка,
И вдругъ передъ тобой мелькнетъ
Цвѣточная дорожка!
Какой улыбкою взоръ милый твой блеснетъ!
О! ты конечно угадаешь,
Кто здѣсь трудился для тебя;
Ахъ! вотъ ужъ ты бѣжишь ко мнѣ и обнимаешь,
Цѣлуешь, кажется, меня;
День, сердцу памятный; какъ буду веселъ я!"
Съ такою сладкою мечтою
Милонъ пошелъ домой, овецъ пересмотрѣть,
Чтобъ гнать ихъ къ водопою;

Увы! и позабылъ, беспечный, за собою
Калитку сада припереть!
Блудливая коза тотчасъ въ нее вбѣжала
И новый цвѣтничокъ поѣла, потоптала.
Уже пастухъ спѣшилъ назадъ,
Въ надеждѣ встрѣтиться съ Филлидой;
Подходитъ, смотритъ въ садъ...
Что можетъ для него быть большею обидой?...
Онъ видитъ, какъ цвѣты коза-злодѣйка ѣстъ!
Милонъ хватаетъ шестъ,
Заноситъ на врага; но руки опустились,
И вмѣсто мщенія, изъ глазъ
Ручьями слезы покатились.
Бѣднякъ! онъ веселъ былъ за часъ!
Въ такихъ слезахъ его Филлида тутъ застала;
Какъ утаить? Она причину ихъ узнала
И пастушка разцѣловала.
„Пусть нѣтъ, примолвила, цвѣтовъ;
Но вѣрь, равно довольна тѣмъ, что знаю
Цѣль милыхъ мнѣ твоихъ трудовъ!
Смотри: отъ радости я плакать начинаю."



ИДИЛЛІЯ VII.

Аминтъ и Хлоя.

Блескъ утренней зари златилъ края востока;
Уже вершины снѣжныхъ горъ
Огнями яркими сіяли издалёка;
Ужь ранній говоръ птицъ будилъ дремавшій боръ,
И свѣжимъ вѣтеркомъ съ долины повѣвало:
Все пробуждалось, оживало —
Часъ торжества природы наступалъ. —
Аминтъ собралъ овецъ и въ поле ихъ погналъ.
Тамъ встрѣтилъ онъ пастушку Хлою,
Которую любилъ, которой былъ любимъ.
Какая радость имъ
Увидѣться однимъ!

Аминтъ.

Привѣтствую тебя съ румяною зарёю!
Куда ходила ты?

Хлоя.

За ландышами въ лѣсъ:
Сего дня матушкѣ, по благости небесъ,
Минулъ уже пятидесятой.
Я жертвою, Аминтъ, хочу почтить боговъ;
Но если негдѣ взять богатой —

Съ мольбой усердною имъ принесу цвѣтовъ.

Аминтъ.

А я, для праздника такова,
Придамъ къ твоимъ цвѣтамъ барашка молодова:
Вотъ онъ; взгляни какъ бѣлъ!
Я промѣнять его Тиметасу хотѣлъ
На кружку иль свирѣль; но этому не сбыться:
Пускай онѣ завидны, хороши —
Съ чѣмъ, съ чѣмъ, скажи, сравнится
Отрада сладкая души
Съ тобой за добрую Ликориду молиться?

Хлоя.

Благодарить тебя не достаетъ мнѣ словъ!
Прекрасенъ ты глазамъ моимъ въ тотъ день казался,
Когда въ вѣнкѣ изъ розъ, при плескѣ пастуховъ,
Славнѣйшихъ побѣдивъ пѣвцовъ,
Къ намъ съ дальнихъ береговъ Пенея возвращался;
Но во сто разъ еще прекраснѣе теперь:
Ахъ! ты за мать мою молиться обѣщался!

Аминтъ.

А я!.... О милый другъ, повѣрь,
Ни очи голубыя,
Ни кудри золотыя,
Ни вся твоя дѣвичья красота,
О чемъ заранѣе мнѣ въ пѣсняхъ натвердили,
Аминта гордаго плѣнили;
Но тихій, кроткій нравъ, стыдливость, доброта
И это нѣжное о матери раченье.

Съ тѣхъ поръ, какъ прошлою зимой
У Мирры съ хижиной сгорѣло все имѣнье,
И ты, украдкою отъ Сильвіи самой,
Несчастной принесла тогдажь на вспоможенье
Свой лучшій праздничный нарядъ:
Повязку, лентами проложенную въ рядъ —
Съ тѣхъ поръ я полюбилъ тебя всемъ сердцемъ, Хло
Старался нравиться — понравился тебѣ,
И жизнь и божій свѣтъ милѣе стали вдвое!
Лъзяль не завидовать Аминтовой судьбѣ?

Хлоя.

О, какъ я счастлива! какъ я теперь богата!

Аминтъ.

Люблю я ожидать въ поляхъ весны возврата,
Встрѣчать съ холма зарю на тверди голубой,
Иль слушать соловья при тишинѣ ночной;
Но ахъ! встрѣчать тебя, но слышать голосъ твой—
Слова, исполненныя чувства,
Пріятнѣй, сладостнѣй всего!
И какъ ни веселитъ меня успѣхъ искуства,
Но сердцу радость та, предъ этой — ничего!

Хлоя.

Я прежде въ томъ одномъ все счастье полагала,
Чтобъ матушка меня любила и ласкала;
Но ахъ, когда тебя узнала,
Когда увѣрилась, что я тебѣ мила —
Душа моя какъ будто разцвѣла!
Иначе стало сердце биться:

Вездѣ искать тебя, всегда къ тебѣ стремиться?
И даже — для чего таиться?
Хоть ласки матушки все драгоцѣнны мнѣ —
Твои пріятнѣе! — онѣ.....
Но, можетъ быть, и самъ ты это примѣчаешь!
Я вся какъ не своя, когда меня ласкаешь!

Аминтъ.

О Хлоя! скоролъ мнѣ супругой будешь ты?....
Пещера брачная готова:
Такой навѣрно нѣтъ ни у кого другова:
При входѣ настланъ дернъ, разсажены цвѣты,
Межь ними жертвенникъ поставленъ Гименею;
Внутри же убрана — что лучшаго имѣю:
Свирѣли дивныя, рѣзныя кружки тамъ
И хитрыя иныхъ сосудовъ изваянья —
Награда лестная трудовъ и дарованья —
Размѣщены искусно по стѣнамъ;
Полъ кожами покрытъ.... О Хлоя дорогая!
Недостаетъ одной тебя!
Ахъ! скоролъ, скоролъ я,
Тебя моею называя....
Тутъ Хлоя рѣчь его поспѣшно прервала,
И взоръ стыдливо опуская,
Сказала, какъ тогда умѣла и могла,
Что солнце ужь взошло, все выше становится,
Что имъ пора идти молиться.



*

ИДИЛЛІЯ VIII.

Влюбленный Сильванъ.

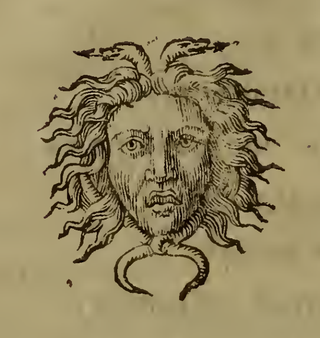
,,Гдѣ ты, радость взоровъ,
Сердца утѣшенье,
Рѣзвая Ѳеона?
Что такъ долго медлишь?
О! приди скорѣе!
Иль любовникъ страстный
Ждетъ опять напрасно?
Или попустому
Я усталъ пещеру
Свѣжею травою:
Мягкой повиликой,
Благовоннымъ тминомъ?
О! приди скорѣе.“ —
Такъ Сильванъ влюбленный,
Сидя у пещеры,
Голосомъ нескладнымъ
Пѣлъ, и звалъ Ѳеону.
Прошумитъ ли вѣтеръ
По древеснымъ листьямъ,
Пробѣжитъ ли кроликъ

Сквозь густой кустарникъ:
Все ему мечталось,
Что идетъ Ѳеона;
Все въ пріятной трепетъ
Приводило сердце.
„*Ахъ! она*“ — шепталъ онъ —
Но ни тутъ-то было!
Солнце вечерѣло,
День блѣднѣлъ и крылся
За высокимъ боромъ;
Но увы! Ѳеона
Все не приходила!
Вотъ уже и сумракъ
Тихо ниспустился
Съ тусклой тверди неба;
На востокѣ дальномъ
Заблестѣли звѣзды,
И по рощѣ темной
Сладко отозвался
Голосъ Филомелы;
Но увы! Ѳеона
Все не приходила!
Тутъ Сильванъ ужь вовсе
Потерялъ терпѣнье.
„Нѣтъ (почти сквозь слезы
Говорилъ несчастной),
Нѣтъ, теперь я вижу,
Что любовь Пастушки,
Не любовь — лукавство!

Съ той поры, какъ Лизисъ
Вздумалъ поселиться
Въ нашемъ околоткѣ,
Будто какъ не стало
Для меня Ѳеоны!
Прежде называла
Милымъ и любезнымъ;
Прежде находила,
Что пріятны пѣсни
Добраго Сильвана,
Нѣжно улыбалась
Страстнымъ изъясненьямъ,
И по цѣлу часу
Съ нимъ одна рѣзвилась;
А теперь не хочетъ
Даже и минутой
Подарить Сильвана;
А теперь въ Сильванѣ
Все перемѣнилось,
Стало не по нраву,
Худо и неловко!
Прежде хоть ласкала,
А теперь — смѣется!
Трижды обѣщалась
Быть ко мнѣ въ пещеру
И за всѣ мученья
Наградить любовью —
Три дни жду напрасно!
И о томъ ли думать

Ей, когда съ жестокой
Лизисъ неотлучно?
Чѣмъ онъ взялъ счастливецъ?
Чѣмъ Сильвана лучше?
Всѣ Дріяды наши,
Вслухъ и потихоньку,
Всѣ зовутъ красавцемъ
Панова любимца. —
Видно эти роги
Нелюбы Пастушкѣ;
Если такъ, то завтражь
Выломлю ихъ оба!
А когда и послѣ
Этой лютой жертвы,
Вновь презрѣнъ, покинутъ,
Вновь обманутъ буду —
То умру съ печали!
Ахъ! но я безсмертенъ!...
Нѣтъ! тогда съ мольбою
Обращусь къ Зевесу,
Превратить Сильвана
Въ ручеекъ прозрачной,
И пролить въ зеленомъ
Садикѣ Ѳеоны:
Пусть хоть струй роптанье —
Вѣчный отголосокъ
Страстныхъ воздыханій —
Напомянетъ сердцу
Непреклонной милой

Обо мнѣ злосчастномъ!
О! тогда узнаетъ,
Да ужь слишкомъ поздно,
Какъ любить умѣю!“



ИДИЛЛІЯ IX.

ДАФНИСЪ И ДАМЕТЪ.

ДАМЕТЪ.

Ахъ, Дафнисъ, какъ я радъ, что встрѣтился съ тобою!

ДАФНИСЪ.

О, видно по глазамъ; но что тому виною?

ДАМЕТЪ.

Вотъ что: ты лучшимъ здѣсь слывешь у насъ пѣвцомъ,
Я также, всѣ согласны въ томъ,
Самъ пѣть недурно начинаю,
И потому..... давно желаю
Измѣрить мой талантъ съ твоимъ....

ДАФНИСЪ.

Ну, далѣе.

ДАМЕТЪ.

Но я всегда другихъ стыдился,
Все случая искалъ съ тобою быть одними —
Нашелъ его, и радъ.

ДАФНИСЪ.

Какъ ты перемѣнился!
Гдѣ скромность прежняя, застѣнчивость твоя?
Чтобъ это значило? Но пѣть согласенъ я:
Въ тебѣ достойнаго соперника имѣю.

Дametъ.

О, вѣришь ли, пѣвецъ, равняемый Орфею,
Я и теперь бы не посмѣлъ
Даръ скудный, мнѣ доставшійся въ удѣлъ,
Измѣривать съ твоимъ; но.... Дафна приказала!
„Поди, она сказала,
„Сразися съ Дафнисомъ и выиграй закладъ:
„Пусть не одна Пастушка Амарила
„Гордится, что пѣвца плѣнила."

Дафнисъ.

Но пѣть однимъ намъ, что за складъ?
Кто будетъ насъ судить? кѣмъ скажется награда?

Даметъ.

Да, правда; надобно кого нибудь позвать.

Дафнисъ.

Послушай: тамъ у водопада
Легъ Палемонъ почтенный отдыхать;
Онъ славный былъ пѣвецъ: сходи за нимъ скорѣе.

Даметъ.

Къ тому же онъ старикъ:
При старикѣ я буду пѣть смѣлѣе;
Изволь, слетаю вмигъ.....
Но ежели онъ спитъ?

Дафнисъ.

Нѣтъ, вѣрно ужь проснулся—
(Даметъ пошелъ и въ мигъ со старикомъ вернулся).

Дафнисъ.

Послушай, дѣдушка....

Тутъ старецъ улыбнулся
И не далъ Дафнису себѣ договорить.
„Довольно, онъ сказалъ, довольно, разумѣю:
„Мнѣ должно двухъ пѣвцовъ въ искуствѣ разсудить?
„Согласенъ, какъ могу и какъ, друзья, умѣю
„Вамъ въ этомъ дѣлѣ услужить.
„О, я люблю сей споръ невинный, милый,
„И много самъ пѣвалъ; теперь же, старецъ хилый,
„Лишь слушаю другихъ. Но гдѣ закладъ, и въ чёмъ?"

Даметъ.

Я простъ вотъ этимъ посошкомъ;
Тирсисовой рукою
Онъ весь покрытъ узорчатой рѣзьбою.

Палемонъ.

Что держишь, Дафнисъ, ты?

Даметъ.

Егожь работы кружку:
Съ боковъ кругомъ по ней цвѣты;
На крышкѣ видѣнъ Фавнъ, цѣлующій пастушку.

Палемонъ.

Изрядно; сядемьте, и старшій пусть начнётъ.
Твой, Дафнисъ, кажется, черёдъ.

Дафнисъ. (1.)

Муза! ты была со мною
Неразлучна съ дѣтскихъ лѣтъ;
Наученному тобою,
Мнѣ дивится бѣлый свѣтъ:
Не уже ли тщетно нынѣ

Раздается по долинѣ
Гласъ тебя зовущій мой?
Услади его, настрой!

Даметъ.

Буди благосклонна,
Муза, вновь ко мнѣ,
И мольбы услыши
Юнаго пѣвца!
Научи получше
Пѣсенку сложить. —
Съ кружкой ворошиться,
Дафнѣ услужить.

Дафнисъ.

Разъ полдневною порою
Отшатнулся въ темной лѣсъ
Мой барашекъ, и стрѣлою
Въ мигъ изъ глазъ моихъ исчезъ.
Я за нимъ бѣжать пустился;
Но напрасно — заблудился,
Сѣнямъ края не видалъ,
И отъ жажды умиралъ.

Даметъ.

Нынѣшней весною,
Въ первой хороводъ
Съ Дафной чернобровой
Я пошелъ плясать;
Началъ — такъ былъ веселъ!
Кончилъ — сталъ унылъ,

Голову повѣсилъ,
И не спалъ всю ночь.

Дафнисъ.

Вдругъ на встрѣчу Амарила.
„Знать усталъ ты, пастушокъ?"
Подошедши говорила. —
— Я отъ жажды изнемогъ! —
„Вотъ возьми кувшинъ съ водою." —
Стала Гебой предо мною;
Я къ кувшину — и не зналъ,
Что съ водой любовь глоталъ.

Даметъ.

Отъ чегожь бы это?
Въ пляскѣ, подъ шумокъ,
Дафна мнѣ пожала
Руку, а потомъ
Нѣжно посмотрѣла
Прямо мнѣ въ глаза;
Я взглянулъ — у Дафны
Канула слеза.

Дафнисъ.

Хоть уста и прохладились,
Но, увы! вотъ здѣсь зажглось;
Мы другъ другу поклонились,
Чтобъ идти домой — не шлось:
Слово я, она другое;
Вскорѣ сдѣлалось насъ трое:

Къ намъ Амуръ слетѣлъ съ небесъ:
Озарился мрачный лѣсъ!

Даметъ.

На другое утро
Я опять грустилъ;
Минулъ цѣлый мѣсяцъ
Прочь не шла тоска:
Дафнинъ взоръ унылый
Былъ все предо мной;
Лишь встрѣчаясь съ милой,
Грусть я забывалъ.

Дафнисъ.

Оба сдѣлались смѣлѣе:
Поцѣлуя я просилъ —
Застыдилась — тѣмъ милѣе,
Слаще онъ казалось былъ! —
Часто послѣ Амарила
Пастушка тутъ находила.
Дни счастливы! каждый часъ,
Даромъ не пропалъ у насъ!

Даметъ.

„Дафна! такъ однажды
Молвилъ я, вздохнувъ,
Что, скажи, со мною?
Первой хороводъ . . . . “.
„О, Даметъ любезный!
Дафна прервала,

„Ахъ, теперь я вижу,
„Что тебѣ мила!“

Дафнисъ.

„Клитъ! отдай мнѣ Амарилу!“
Я отцу ея сказалъ.
Онъ упрямился, насилу
Старика я уломалъ.
Клитъ намъ далъ благословенье.
Радость, сердца утѣшенье!
Скороль, скороль, милый другъ,
Буду я тебѣ супругъ?

Даметъ.

„Ужь давно любила
„Я тебя, Даметъ,
„Но сказать не смѣла.
„Ахъ, теперь ты мой!“ —
Тутъ мы обнялися,
Грусть моя прошла.
О, лети, промчися
Время до вѣнца!

Палемонъ.

Прекрасно! Оба такъ вы пѣли, что не знаю,
Кого мнѣ предпочесть изъ васъ?
И такъ, обоихъ награждаю:
Мѣняйтесь въ добрый часъ.



ИДИЛЛІЯ X.

Молитва осеннимъ утромъ.

Лучи восходящаго солнца проникли межь вѣтвій
Сирени и лозъ виноградныхъ въ Цефизову кущу.
Пастухъ пробудился, оставилъ смиренное ложе,
И вышелъ поспѣшно привѣтствовать красное утро.
Коль сладкимъ, но тихимъ восторгомъ исполни-
лось сердце
Цефиза, когда обратилъ онъ окрестъ себя взоры!
Давно уже мракъ, возвѣститель зимы наступленья,
Лежалъ, распростертъ по пространству небесъ,
сокрывая
Свѣтило; казалось, оно никогда не проглянетъ
Сквозь черныя тучи, сквозь море дождя, разлитое
Въ эфирѣ; но се: величаво оно восходило!
Разсѣялись тучи, и мгла, золотыми съ востока
Пронзенна лучами, исчезла. Невольно къ молитвѣ
Душа Пастуха растворилась. ,,О Ты, говорилъ онъ,
,,Незримый, но вѣдомый всюду Создатель вселенны!
Единый и въ трескѣ громовъ и во вздохѣ младенца!
О Ты, чья десница, доселѣ на мнѣ пребывала,
Услыши гласъ сердца, любовью къ Тебѣ распаленна,
И виждь умиленія слезы! Всесильный! Всещедрый!

Но что изреку, нѣмотствуя въ священномъ восторгѣ?
Какая хвала подобаетъ тебѣ, Безначальный?
Приявый тобою и жизнь и жизни утѣхи:
Жену, украшенье пастушекъ; прелестнаго сына;
Спокойную, чистую совѣсть; нескудный достатокъ,
Могу лишь всякъ день приносить Тебѣ тучныя жертвы,
И лить благодарныя слезы! Царю-Вседержитель!
Молюся, да продлиши милость Твою надо мною;
Да выну Тобою хранимый, дождуся осенней
Моею порой разцвѣтающей юности сына!
Уже онъ лепечетъ Твое присносущное имя;
Но я научу Алексиса любить Тебя, чтити,
И стану Подателя благъ славословить, доколѣ
Другое, стократно краснѣйше, небесное утро,
О, радость! *тамъ* свѣтомъ меня озаритъ невечер-
нимъ!" —



ИДИЛЛІЯ XI.

Идасъ.

Былъ вечеръ; на западномъ небѣ алѣла заря;
По зарѣ разносились и пѣсни и звуки свирѣлей.
Идасъ престарѣлый (онъ зрѣлъ уже семдесять разъ
Обращенье годичнаго круга, временъ перемѣну),
Сѣмьей окруженный, при прагѣ сидѣлъ шалаша.
,,Приготовьтеся, дѣти, сказалъ онъ: завтра большое
Веселье у насъ; но какоежь, хотите ли знать?
Добродѣтели завтра у насъ празднество трехгодично
И старецъ, достойнѣйшій всѣхъ, наградится вѣнкомъ
Палемону надлѐжитъ сіе предпочтеніе нынѣ. —
На утро, лишь только денницы появится лучь,
Мы пойдемъ чередою къ смиренной избраннаго кущи;
Тамъ посохъ, цвѣтами обвитый, вручивши ему,
Поведемъ его, я и Меналкъ, во святилище храма:
Здѣсь жрецъ, при торжественныхъ гимнахъ богинѣ, вѣнокъ,
Сплетенный изъ вѣтвій дубовыхъ, на старца возложитъ,
И радостны гласы народа олтарь потрясутъ;
А пастушки въ убранствѣ и юноши въ бѣлой одеждѣ
Вѣтьвями устелютъ обратный до хижины путь,

И хвалу воспоютъ; и забавы и пляски предъ нею
Весь день продолжатся, доколь не потухнетъ заря.—
О! какъ сладостно быть добродѣтельнымъ, милыя
дѣти!
Идите къ прекрасной сей цѣли, стремитеся къ ней!
Умоляйте боговъ милосердныхъ, да даруютъ силы,
Свершивъ многотрудный путь жизни, достигнуть ее.
Говорятъ, будто послѣ него и меня увѣнчаютъ:
Зевесъ! продолжи еще слабую дней моихъ нитъ,
И тогда — и тогда я спокойно умру, Всеблагій!“—



ИДИЛЛІЯ XII.

Филлида и Коридонъ.

Коридонъ.

Филлида! дождь прошелъ, вѣтръ стихнулъ, тучь
несшало,
И солнышко опять, какъ я тебѣ сказалъ,
На небѣ просіяло.

Филлида.

Ты очень кстати угадалъ:
Меня ненастье напугало;
Пришлось бы до ночи пробыть въ пещерѣ намъ.
Ну пособи же мнѣ пробраться
По этимъ камнямъ и кустамъ.

Коридонъ.

Вотъ посохъ мой, держись, да чуръ не спотыкаться;
Такъ.... хорошо.... Взглянижъ теперь, мой другъ,
На небо, на лѣса, на горы, этотъ лугъ —
Все обновилося, все лучше стало вдругъ,
Свѣтлѣе, зеленѣй! Нельзя налюбоваться!
Какъ блещутъ мокрые древесные листы!
Какъ ожили цвѣты
И травы полевыя!
Благоуханіемъ весь воздухъ растворенъ;

Долъ снова ревомъ стадъ веселымъ оглашенъ;
Здѣсь прыгаютъ мои ягнятки молодые,
Тамъ разбрелись волы, здѣсь стая козъ съ козломъ
На скалы лѣпится крутыя.
Ахъ, вотъ и радуга!

Филлида.

Прекрасно! но пойдёмъ.

Коридонъ.

Куда же ты?

Филлида.

Домой.

Коридонъ.

Такъ скоро? Подождёмъ:
Теперь ужь насъ не вымочитъ дождёмъ.

Филлида.

Нѣтъ, нѣтъ, и безъ того я много запоздала.
Мнѣ матушка накрѣпко приказала
Вернуться засвѣтло домой.

Коридонъ.

Но солнышко еще высоко надъ горой —
Далеко ли дойти? Побудь, побудь со мной
Хотя одинъ часочикъ!
Дай мнѣ обнять себя, поцѣловать разочикъ!

Филлида.

Ты не отвязчивъ сталъ:
Еще ли не довольно?
Ну что за поцѣлуи? полно!

Коридонъ.

Но если я тебя въ пещерѣ цѣловалъ
Сто разъ, безъ спросу, добровольно,
Такъ почемужь теперь . . . . .

Филлида.

Въ пещерѣ, въ темнотѣ —
Совсемъ другое дѣло!
А здѣсь свѣтло; притомъ же мы на высотѣ:
Что если? . . . . . сердце обомлѣло! . . . .
Мнѣ стыдно безъ того въ глаза тебѣ смотрѣть.

Коридонъ.

Такъ дѣлать нечего, знать должно потерпѣть!

Филлида.

Послушай: говорить ли дома,
Что я съ тобой, и гдѣ, и какъ,
Скрывалась отъ дождя и грома?

Коридонъ.

Ахъ! нѣтъ, не говори!

Филлида.

Да почемужь не такъ?
И что худаго тутъ? Нѣтъ, лгать я не умѣю.

Коридонъ.

И даже скажешь то, какъ цѣловалась ты?
Съ твоей болтливостью не долго до бѣды!

Филлида.

О, я не такъ проста, я очень разумѣю,
Что этаго нельзя сказать!
А также и того отъ матушки скрывать,

Что я случайно здѣсь съ тобою повстрѣчалась;
Что насъ застигнулъ дождь; гдѣ скрылись отъ него;
Какъ грому, молніи я въ темнотѣ боялась,
Какъ я къ груди твоей отъ страху прижималась....

Коридонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя, не говори того!
Насъ побранятъ, видаться намъ закажутъ.

Филлида.

Какъ не догадливъ ты! Тебѣжь спасибо скажутъ
За то, что въ этотъ разъ не покидалъ меня:
Вѣдь не моглажь бы я
Пробыть одна въ такой пещерѣ страшной, дикой.
Не бойся, Коридонъ; мнѣль зла тебѣ желать? —

Насилу удалось ему растолковать,
Что росказни ея, ей будутъ же уликой.
Филлида рѣчь его, казалось, поняла,
Быть молчаливой обѣщалась;
Но лишь домой пришла,
Лишь стали спрашивать—въ минуту проболталась.
И лучше сдѣлала: заботливая мать
Хоть пожурила дочь, однакожь догадалась,
Что мужа незачемъ другаго ей искать.



ИДИЛЛІЯ XIII.

Дафнисъ и Милонъ.

Милонъ.

О Дафнисъ! отъ чего задумчивъ ты, унылъ?
Такъ молчаливъ, всегда съ поникшей головою?
Ты сталъ совсемъ не тотъ: ты прежде веселъ былъ,
И сердца своего отъ друга не таилъ.
Бывало — помнишь ли? — какъ лѣтнею порою,
Пригнавъ стада домой, всѣ выдемъ на лужо́къ;
Тамъ пестрою толпой, въ веселомъ хороводѣ,
Подъ громкую свирѣль, довольны, на свободѣ,
Мы пляшемъ? Жизнь текла, какъ свѣтлый ручеёкъ;
И ты всегда былъ нашихъ игръ душою,
Ты радость приносилъ съ собою:
Бывало безъ тебя пастушки не поютъ;
А нынѣ?

Дафнисъ.

Времена минувши не придутъ:
Прошедшее — прошло, его ужь не воротишь;
Такъ чтожь о немъ и говоришь.

Милонъ.

А нынѣ ты ни въ чемъ отрады не находишь;
Ничто тебя, ничто не можетъ веселить;

Ты все почти одинъ; не хочешь и со мною
Своей печали раздѣлишь.
Ахъ, Дафнисъ! Богъ съ тобою!...
Будь холоденъ ко мнѣ, я буду все такимъ,
Какимъ ты зналъ меня въ младенческія лѣта.
И можноль быть, скажи, инымъ?
Какъ святость преступить сердечнаго обѣта?
Какъ дружбѣ измѣнить, которой красенъ міръ?

Дафнисъ.

Я вѣрю; такъ, Милонъ, покинуты судьбою,
Не разлучались мы съ младенчества съ тобою;
Ты также былъ убогъ и сиръ;
Насъ бѣдность сдѣлала друзьями.
Но гдѣ вы, гдѣ вы, дни безпечности златой?
Куда сокрылся ты, души моей покой? . . . .
Тогда я незнакомъ былъ съ этими слезами,
И въ дружбѣ лишь одной все счастье полагалъ;
Ахъ! и Милонъ тогда меня не упрекалъ!

Милонъ.

Я и теперь, мой другъ, тебя не упрекаю,
Я и теперь тебя попрежнему люблю;
Лишь горести твоей причину знать желаю;
Не знавъ ее, я самъ не менѣе терплю.

Дафнисъ.

Я оскорбилъ тебя? Прости! клянусь, невольно.
Вотъ помутила какъ печаль разсудокъ мой!
Но я, таивъ ее, щадилъ себя довольно:
Откроемъ все, сколь сердцу то ни больно.

Послушай: помнишь ли, какъ прошлою весной
Я былъ, Милонъ, съ тобой
На праздникѣ богини Флоры
Въ сосѣдственномъ селѣ? Ахъ! тамъ-то въ первой разъ
Увидѣлъ Хлою я! Несчастный день и часъ! . . .
Какая красота! Блескъ утренней Авроры,
Когда имъ озаренъ безоблачный востокъ,
Ничто предъ розами ея лилейныхъ щёкъ;
Лазурь небесная — предъ свѣтлыми очами;
Колосьевъ цвѣтъ — передъ кудрями!
Я увидалъ ее, и — другъ мой — полюбилъ! . . . .
Мы скоро съ Хлоею смѣнялися сердцами . . . .
Но, кто не зналъ любви, тотъ не повѣритъ мнѣ:
И въ сладкомъ тихомъ снѣ,
И въ говорѣ листовъ, и въ шопотѣ Зефира,
И въ лонѣ чистыхъ водъ, и въ пѣсняхъ соловья,
Казалось, вижу, слышу я
Лишь Хлою милую, дочь бѣднаго Титира! . . .
Милонъ! я жребій мой тогда благословлялъ:
Она меня любила!
Въ любви моей свой рай, казалось, находила.
Бывалъ ли грустенъ я и слезы проливалъ —
Пастушка ихъ своей рукою отирала,
Сама грустила, тосковала;
Въ минуты жъ радости была мила какъ день,
Рѣзва и весела: чего не вымышляла;
То, уклонившися подъ яворову тѣнь,
Кудрями Дафниса играла;
То розовымъ вѣнкомъ счастливаго вѣнчала,

Или съ младенческой шутила простотой;
То, взявшись за руку со мной,
За пестрой бабочкой, за рѣзвою овечкой
Летѣла, какъ Зефиръ крылатой, по лугамъ,
По рощамъ, по горамъ.
На берегу зеленомъ рѣчки,
Усталые, мы съ ней садились отдыхать,
И освѣжалися студеною водою.
Сюдажь, уединясь вечернею порою,
Любили мы мечтать
О будущемъ блаженствѣ нашемъ.
Любовь, свѣтъ мѣсяца, дробящійся въ волнахъ,
Свирѣли отзывы въ лѣсу и берегахъ —
Все услаждало духъ; земля казалась краше,
Пустыня райскою страной была для насъ!
И я, восторгомъ упоенный,
Повѣрь, въ часы сіи, не разъ
Воображалъ себя на небо восхищеннымъ!
Ахъ! Дафнисъ слишкомъ счастливъ былъ!
Такъ счастливъ, что тогда уже и позабылъ,
Что счастіе не вѣчно,
Что время радостей сердечныхъ быстротечно!
Явился Полифонъ —
И клятвы Хлоины, какъ вѣтеръ, улетѣли,
И вздохомъ Дафниса внимать не захотѣли,
И Дафниса слезамъ смѣялись! О Милонъ!
Какъ послѣ этаго, скажи мнѣ, веселиться?
Милонъ.
Да, правду говорятъ, что счастье рѣдко длится:

Появится, блеснетъ и, какъ мечта, пройдетъ;
А горе.... ахъ! оно чуть, чуть отъ насъ бредетъ!
Но Хлоя отъ чего такъ вдругъ перемѣнилась?
Зачто на Дафниса пастушка разсердилась?

Дафнисъ.

Не знаю; можетъ, я измѣну заслужилъ,
Лишь тѣмъ, что такъ ее любилъ!

Милонъ.

Неслыханный примѣръ лукавства между нами!
Клянусь самими небесами,
Она не стоитъ этихъ слезъ,
Которыхъ столько ты на жертву ей принесъ!
Ее презрѣть, покинуть должно!

Дафнисъ.

Но ахъ, легко ли то!

Милонъ.

Тебѣ легко, возможно:
Не тылъ нась научилъ безъ лишняго труда,
Воздѣлывать поля и сберегать стада —
Владѣть свирѣлью семигласной?
Не ты ли, словомъ, намъ уставы жизни далъ
Общественной, согласной?(2)
Вотъ утѣшеніе въ твоей судьбѣ несчастной;
И ты давно его снискалъ
Въ признательности всѣхъ селянъ единодушной.
Забудь, прошу тебя, измѣнницу, забудь,
И дружбы голосу послушной,
Попрежнему всѣхъ насъ душой, отрадой будь! —

Тутъ Дафнисъ на его въ слезахъ склонился грудь;
Спокойствіе въ душѣ несчастнаго блеснуло,
И сердце бѣдное, казалось, отдохнуло.



ИДИЛЛІЯ XIV.

Корпдонъ.

Разметавшися небрежно
Подъ орѣховымъ кустомъ,
Въ часъ полдневный почивала
Сладкимъ Амарила сномъ.
Недалеко прилучилось
Коридону проходить. —
Онъ давно любилъ Пастушку
И умѣлъ любимымъ быть;
Но любовь сердецъ невинныхъ
Молчалива и робка:
Та украдкой страсть питала,
Тотъ вздыхалъ изподтишка. —
Коридонъ остановился,
Робко посмотрѣлъ вокругъ
И на цыпочкахъ прокрался
Къ Амарилѣ черезъ лугъ.
Драгоцѣнныя минуты!
Онъ дерзаетъ въ первой разъ
Такъ разсматривать Пастушку,
И отвесть не можетъ глазъ:
Видитъ грудь полуоткрыту,

Станъ, достойный Аонидъ,
Перловъ рядъ подъ розой — пламень
Разгорѣвшихся ланитъ.
И невольно опустился
На колѣни Коридонъ;
Свѣтъ въ очахъ его затмился,
Сердце замерло — и онъ . . . . .
Жаркимъ, страстнымъ поцѣлуемъ
Амарилу разбудилъ;
Лишь взглянула — вмигъ закрылась;
Своевольникъ отскочилъ,
И потупя робко взоры,
Ждалъ упрековъ за вину;
Но Пастушка ни полслова
Не промолвивши ему,
Быстро скрылась въ чащѣ лѣса.

Грустенъ шелъ Пастухъ домой.
„Что я сдѣлалъ, неразумный?
Говорилъ онъ самъ съ собой:
Какъ теперь я съ нею встрѣчусь,
Какъ взгляну, заговорю?
Разсердилась! и за дѣло!
Попустому растворю
Завтра съ солнечнымъ восходомъ
Въ шалашѣ моемъ окно:
Въ хижинѣ у Амарилы
Не растворится оно!
Понапрасну заиграю

На свирѣли вечеркомъ:
Милая не будетъ больше
Вторить нѣжнымъ голоскомъ!
А потомъ и перестанетъ
Пастушка́ совсемъ любить
Ахъ, за чемъ бы мнѣ безъ спросу
Съ ней такъ дерзко поступить?"—

Коридонъ и не ошибся:
Добрый прежде знакъ — окно —
Три дни запертымъ стояло;
Но въ четвертый вновь оно
Растворилось понемножку;
Въ тотъ же самый вечерокъ
Амарилинъ соловьиный
Вновь раздался голосокъ;
А потомъ, черезъ недѣлю,
Встрѣтясь какъ-то съ Пастушкомъ
У Амурова кумира,
Молвила ему тишкомъ,
Что ужь больше не сердита;
И просила пособить,
Жертвенникъ малютки - бога
Вязью миртовой обвить.



Идил: XV



Рис: И. Ивановъ. Гр. И. Ческий

ИДИЛЛІЯ XV.

Палемонъ.

Прекраснѣйшимъ утромъ, зимою,
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ —
Дрова, запасенны порою,
Пылали въ горнушкѣ трескучимъ огнемъ. —
Онъ стужи въ теплѣ не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ простиралъ,
Картиной зимы любовался
И въ мысляхъ возврата весны не желалъ.
,,О сколь ты, природа, прекрасна!
Ничто не измѣнитъ твоей красоты:
Гроза ли пылаетъ ужасна,
Ревутъ ли Бореи, цвѣтутъ ли цвѣты —
Всегда ты, во всемъ совершенна! . . . .
Какъ блещетъ равнина, сквозь легкій туманъ,
Дрожащимъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ! . . . .
Тамъ дубы стоятъ обнаженны;
На вѣтьвяхъ ихъ иней пушистый нависъ;
Тамъ ели мелькаютъ зелены,
Мѣстами чернѣетъ густой кипарисъ.
Поля и луга опустѣли;

Невидно на пастбахъ гуляющихъ стадъ;
Замолкли пастушьи свирѣли
И пѣвчія птички нахохлясь сидятъ.
Одинъ лишь снигирь краснобокой,
Чирикая, скачетъ по гибкимъ кустамъ;
Лишь слышенъ глухой и далёкой
Стукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
Лишь изрѣдка снѣжной равниной
Съ дровами лѣнивый протащится волъ." —
Старикъ помѣшалъ хворостиной
Въ горнушкѣ, и снова къ окну подошёлъ. —
„Зима и моя наступила:
Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ;
Оставила прежняя сила;
Погаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
Но ахъ! сожалѣть ли о красной
Дней юныхъ, промчавшейся быстро, веснѣ?
Кто младость провелъ не напрасно,
Тотъ съ ней потерялъ заблужденья однѣ.
Кто былъ добродѣтели вѣренъ,
Полезенъ сѣмейству и ближнимъ своимъ,
Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ!
Когда я о немъ вспоминаю,
Мнѣ кажется, будто какого нибудь
Стариннаго друга встрѣчаю,
Иль вижу цвѣтами усыпанный путь!
Къ тому же, на что помѣняюсь
Любовью всеобщей моихъ земляковъ,

Которой теперь наслаждаюсь,
Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
Что можетъ иное сравниться
Съ отрадой примѣрныхъ дѣтей воспитать,
Счастливымъ успѣхомъ гордиться,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читать? —
Подобно, какъ снова весною
Природа получитъ свою красоту,
Такъ жизнью моей молодою
Я въ миломъ Дametѣ моемъ разцвѣту!



ИДИЛЛІЯ XVI.

Изгнанникъ Алексисъ.

Ненастно утро было:
Едва свѣтило дня пол-неба озарило,
Какъ снова скрылося въ туманныхъ облакахъ.
Мракъ, распростертый на поляхъ,
Шумящи надъ рѣкою ивы,
Скрыпъ тополей, плескъ волнъ и врановъ крикъ
въ лѣсахъ —
Все предвѣщало день дождливой,
Осеннихъ близость непогодъ.

Но кто тамъ, этою равниной,
Съ котомкой на плечахъ, а на сердцѣ съ кручиной,
Поникши головой, отъ шалашей идетъ? —
То бѣдный Алексисъ. Онъ Нисою плѣнился,
Самъ ею былъ любимъ, хотѣлъ ей мужемъ быть;
Но ахъ, о томъ не спохватился,
Что не всегда позволено любить!
Весь юноши достатокъ составляли
Убога хижина и нѣсколько овецъ;
Межъ тѣмъ какъ богачемъ Пастушкинъ слылъ оте[ц]
„Такъ Алексису отказали?“ —

Да, и при томъ запрещено
Прекрасной Нисѣ съ нимъ видаться.
Но разлучать влюбленныхъ мудрено,
И можноль отъ любви заставить отказаться?
Пещеры дальнія, лѣсовъ густая сѣнь,
Благопріятна ночи тѣнь,
Отъ взоровъ бдительныхъ гонимыхъ укрывали,
Восторги зрѣли ихъ, обѣтамъ ихъ внимали —
Но скоро и про то узнали.
Обманутый отецъ пришелъ въ ужасный гнѣвъ;
И чтожъ, во гнѣвѣ вымышляетъ?
Онъ тайно въ Алексисовъ хлѣвъ
Свою овечку запираетъ,
И неповиннаго въ покражѣ обвиняетъ!
Богатство подкрѣпило зло,
Ничто бѣдняжки не спасло:
Его изгнать опредѣлили. —
„Возможноль?" — *Уличенъ*! — всѣ въ голосъ говорили.

Природы сѣтующій видъ
Питалъ, усугублялъ страданья Алексиса;
Струи горчайшихъ слезъ лилися
Съ поблекшихъ юноши ланитъ.
„Увы!" — онъ говорилъ, на отческіе кровы
Прощальный обращая взоръ —
„Постигнулъ рокъ меня суровый,
Судилъ безсчастному изгнанье и позоръ!
За толь, неумолимый!
Покинуть должно мнѣ

Навѣки край родимый,
Что я любить умѣлъ? и въ чуждой сторонѣ
Скитаться безъ пріюту
За то, что счастливъ былъ минуту?....
Отчизны милой небеса!
Вы сердцу моему толико драгоцѣнны,
Окрестны горы и лѣса!
Простите!... Садикъ мой зеленый!
Что будетъ безъ меня съ тобой?
Ты скоро зарастешь колючею травой!
Овечки милыя! кто, кто безъ Алексиса,
Васъ будетъ такъ беречь, любить?...
Ахъ! если жаль ужь ихъ, то какъ переносить
Разлуку съ матерью, съ тобой, любезна Ниса?....
Еще вчера я съ вами былъ,
А нынѣ..... болѣе васъ нѣтъ для Алексиса!
Но не вините, что сокрылъ
И день и часъ разставанья —
Ни силъ моихъ, ни слезъ не сталобъ для прощанья!
Съ отрадною заснули вы мечтой,
Что лишній день еще со мною проведете:
Ахъ, спите долѣе! Проснувшись, не найдете
Ни въ хижинѣ меня, ни въ кущѣ надъ рѣкой:
Я буду далеко, послѣдуемъ тоской! —
О матерь престарѣла!
Ты не совсемъ осиротѣла:
Тебѣ отрадою еще осталась дочь;
Но Ниса!... кто ее утѣшитъ въ злой напасти?....
Такъ, ей не превозмочь

Ни горести своей, ни страсти!
Тосклива горлица, стеная день и ночь,
Она сойдетъ безвременно въ могилу!
Увы мнѣ! для чего окончить жизнь постылу
Я съ нею вмѣстѣ не могу?" . . . .
Тутъ вдругъ раздался звукъ свирѣли,
А на сосѣдственномъ лугу
Овечки запестрѣли;
Несчастный прошепталъ свой лютый приговоръ,
На кровлю Нисину послѣдній бросилъ взоръ —
И скрылся въ отдаленьи.

„Ахъ, какъ бы намъ хотѣлось знать,
„Пришелъ ли онъ назадъ? увидѣлъ ли опять
„Отчизну, милую по долгомъ разлученьи?" —
Такъ спрашивалъ и я у каждаго въ селеньи;
Но мнѣ одинъ отвѣтъ: „*о бѣдномъ не слыхать!*"



ИДИЛЛІЯ XVII.

Больной.

Клеонъ.

Ты, дѣдушка, сказали,
Умѣешь всякія болѣзни изцѣлять?

Меналкъ.

Такъ, сынъ мой, этотъ даръ мнѣ боги ниспослали.
Чѣмъ болѣнъ ты?

Клеонъ.

Ахъ! какъ бы мнѣ сказать?
Я худо ѣмъ, не досыпаю,
Грущу, о чемъ и самъ не знаю,
Все быть хочу одинъ, съ веселыми скучаю....
Ну, словомъ, сталъ совсемъ не тотъ.

Меналкъ.

Да не ходилъ ли ты въ сосѣднее селенье,
Гдѣ было храма обновленье,
На праздничной, что такъ хвалили, хороводъ?

Клеонъ.

Ходилъ.

Меналкъ.

Не видѣлъ ли тамъ дочери Идаса?

Клеонъ.

Я глазъ съ Дориды не спускалъ:
Какъ хороша, мила!

Меналкъ.

И вѣрно съ ней плясалъ?

Клеонъ.

Да — ахъ! и съ той поры, какъ помню, захворалъ.
Что это за болѣзнь?

Меналкъ.

Она, мой другъ, звалася
У насъ любовію всегда.

Клеонъ.

Опасна?

Меналкъ.

Иногда.

Клеонъ.

О, пособи же мнѣ скорѣе?
Дай выпить что нибудь!

Меналкъ.

Увы! инаго нѣтъ
Лѣкарства для тебя въ болѣзни сей вѣрнѣе,
Какъ этотъ дружескій совѣтъ:
Иль долженъ ты стараться
Дориды взоровъ убѣгать,
Иль съ ней предъ олтаремъ Гимена сочетаться —
Иначе будешь вѣкъ страдать.

Клеонъ.

Благодарю за наставленье!

Я завтра же пойду къ Пастушкину отцу;
„Идасъ! скажу ему, дай сердцу облегченье:
„Благослови меня съ Доридою къ вѣнцу!
„Продлится иначе навѣкъ мое мученье!
„Такъ говоритъ Меналкъ, хоть самъ спроси его.“—
Идасъ вѣдь добръ, онъ вѣрно согласится.
Какъ право былъ я глупъ: скажи, ну для чего
Мнѣ раньшебъ, дѣдушка, тебѣ не поклониться?



ИДИЛЛІЯ XVIII.

Возвращеніе на родину.

Микону насказали,
Что дома счастья нѣтъ,
А что оно всегда въ краю чужомъ живетъ;
Что тамъ лишь.... мало ли чего не обѣщали?
Миконъ былъ молодъ, простъ, къ тому же сирота:
Подумалъ, и пошелъ. Но не сбылась мечта.
Ахъ! одного ль она Микона обольстила?
Куда Пастухъ ни приходилъ,
Чего искалъ — не находилъ.
Охота къ странствіямъ простыла;
„Нѣтъ, лучше, говорилъ, пойду опять домой!" —
И вотъ, обманомъ наученный,
Онъ возвращался огорченный,
Съ раскаяньемъ, тоской.

Уже не далеко до стороны родной;
Уже одна гора отъ взоровъ сокрываетъ
Любезныя мѣста!...
Миконъ ея вершины достигаетъ —
И чтожъ ему открыла высота?
Отчизну! шалаши, средь коихъ онъ родился;
Поля, свидѣтели забавъ его, трудовъ;

Лѣсокъ, гдѣ отдыхалъ подъ шепотомъ листовъ,
Гдѣ съ Амарилою онъ сердцемъ подѣлился —
Ей въ первой разъ въ любви открылся!
Тогда былъ утра часъ. Съ безоблачныхъ небесъ
Фебъ ярко освѣщалъ окрестность пробужденну.
Миконъ былъ восхищенъ до слезъ;
Подобно пригвожденну,
Недвижимъ онъ стоялъ,
Простря къ отчизнѣ руки,
И мнилъ ее обнять. — „Ахъ! наконецъ сказалъ,
Три года протекли разлуки
Съ тобою, милый край!
Три года странствуя съ надеждою пустою,
Повсюду мучимъ грустью злою,
Я только лишь теперь мирюсь съ самимъ собою.
И гдѣ то счастіе, тотъ рай,
Что мнѣ сулили на чужбинѣ?
Благодарю судьбинѣ,
Возвратный путь хранившей мой!
Опять я вижу васъ, родительскіе кровы,
Гдѣ дѣтства вѣкъ провелъ златой;
Гдѣ я не зналъ еще, что есть сердца суровы,
Коварство и обманъ! О, какъ я счастливъ былъ
Въ невѣжествѣ моемъ! Спокойно протекали
Младые дни мои. Чуждъ скуки, чуждъ печали,
Не вѣдая заботъ, трудясь по мѣрѣ силъ,
Труды забавами смѣняя,
И въ сердцѣ за сіе боговъ благословляя,
Я не видалъ, какъ годъ за годомъ проходилъ!

Пусть гнѣвная судьба въ младенчествѣ лишила
Родителей меня — за то былъ вѣрный другъ,
За то была моею Амарила!
Ахъ, какъ она меня любила!....
Я самъ равно любилъ, но оставался глухъ
Къ моленіямъ ея и нѣжнымъ увѣщаньямъ!....
Куда ни обращусь, все къ сладостнымъ влечетъ
Протекшихъ радостей меня воспоминаньямъ!....
Быть можетъ, больше ихъ Миконъ не обрѣтетъ!
Быть можетъ, хладная могила
И дружбу и любовь мою въ себѣ вмѣстила! —
Вотъ здѣсь еще, я помню, Амарила,
Прощаяся со мной,
,,Останься!" — говорила —
,,Что будетъ съ бѣдною? Я сокрушусь тоской!"—
Напрасно! Ты ушелъ, безумецъ ослѣпленный!
И чѣмъ же льстишь себя, неволей возвращенный?
Кто ждетъ тебя?.... Бѣги за прежнею мечтой!"—
Тутъ къ дубу прислонясь, закрывъ лице руками,
Онъ залился слезами. —
,,Нѣтъ, нѣтъ! ничто меня съ тобой не разлучитъ!"
Обнявъ любезнаго, Пастушка закричала.
Но кто изобразитъ,
Что юная чета взаимно ощущала,
Соединяся вновь нечаянной судьбой? —

Миконъ.

Простишь ли ты меня?

Амарила.

Забыто все! Я знала,

Ласкалась, что съ такой душой
Не вѣкъ останется Миконъ въ странѣ далёкой,
Не вѣкъ я буду одинокой!
Здѣсь ты въ послѣдній разъ поцѣловалъ меня,
Сюдажь грустить ходила я,
И ждать желанна возвращенья.
Ахъ! сколько за мои страданья утѣшенья!
Но что о прошломъ говорить?
Спокойся! поспѣшимъ съ Аминтомъ раздѣлить
Минуты наслажденья.



ИДИЛЛІЯ XIX.

Дametъ.

Дамета застигнула ночь на пути —
Онъ шелъ изъ сосѣдства обратно —
Не близко еще оставалось идти,
А время такъ было пріятно:
Зефиръ утомленный едва колебалъ
Кудрявыя бука вершины;
Сводъ неба звѣздами усѣянъ блисталъ;
Дремали во мракѣ долины. —
Пастухъ осмотрѣлся и легъ отдохнуть.
Величіе ночи его поражало,
Священный восторгъ проливало во грудь,
Къ благимъ помышленьямъ склоняло. —
,,О ночь! говорилъ онъ: съ какимъ завсегда
Особеннымъ сердца движеньемъ,
Простертый на холмѣ, иль скатѣ пруда,
Смотрю на твое приближенье! —
,,Познайте! однажды жрецъ Пановъ сказалъ:
,,Цвѣтокъ, попираемый мною,
,,Кузнечикъ, который теперь прокричалъ,
Таясь подъ густою травою

„Не меньше о славѣ Творца говорятъ,
„Какъ горы, дубравы и воды!“ —
Онъ правъ: сей урокъ повторялъ я стократъ,
Дивяся устройству природы.
Пріятно повсюду ее наблюдать,
Земли красотой любоваться;
Но взоромъ по звѣздному небу блуждать,
Въ безмѣрности тверди теряться,
Едваль пріятнѣй всего для меня!
Въ себя самаго погруженный,
Я часто не вижу, какъ вѣстница дня
Востокъ разцвѣтитъ омраченный.
И если случится, что Мирра моя
Тѣ чувства со мной раздѣляетъ —
Всю сладость тогда познаю бытія!
Въ восторгахъ душа утопаетъ,
И слезы ліются обильной струёй!
О боги! молю васъ, храните
Жизнь Мирры моей дорогой!
Блаженство мое продолжите!
Съ тѣхъ поръ, какъ люблю и взаимно любимъ,
Я сдѣлался лучше, добрѣе!
Но только ли? къ вамъ, всеблагіе, самимъ
Съ тѣхъ поръ прилѣпился сильнѣе,
И даже, какъ будто, сталъ выше душой!
О боги! молю васъ, храните
Жизнь Мирры моей дорогой!
Блаженство мое продолжите!“ —
Даметъ, отдохнувши, пошелъ; но мечты

Все юноши грудь волновали;
Межь тѣмъ соловьи, оглашая кусты,
Дорогу его сокращали.



ИДИЛЛІЯ XX.

Дорида и Титиръ.

Предпосылая хладъ, свирѣпыхъ бурей свистъ,
Зима вслѣдъ осени спѣшила;
Уже рука ея поля опустошила;
Ужь облетѣлъ съ деревъ поблекшій желтый листъ.
Лишь сосны черныя и ели возвышенны
Однѣ стояли невреждении;
Лишь папоротъ, да мхи—послѣдній злакъ луговъ—
Разсѣянны кой-гдѣ по берегамъ ручьёвъ,
Еще не увядали.
Стадами птицы отлетали;
Дожди лились рѣкой;
Необозримыми, густыми облаками
Туманы плавали надъ горными хребтами,
Иль стлались дымною въ равнинахъ пеленой.
Ужь рѣдко солнце появлялось;
А если средь небесъ когда и красовалось,
То развѣ только часъ, а много, много, день:
Вдругъ тучи набѣгутъ, и ляжетъ доломъ тѣнь.—
Однажды, какъ оно съ природой такъ прощалось,
Хладѣющій еще обогрѣвало міръ,
Дорида и Титиръ

На дерновой скамьѣ у хижины сидѣли,
И молча на страну печальную смотрѣли;
Студеный вѣтерокъ ихъ кудри развѣвалъ. —
„Дорида! наконецъ Пастухъ, вздохнувъ, сказалъ:
„Взгляни, какъ вся окрестность опустѣла!
„Какъ измѣнился видъ полей!
„Давноль еще трава на пастьбахъ зеленѣла?
„Давно ли пѣлъ здѣсь, въ рощѣ, соловей?
„Давно ли изъ цвѣтовъ ты мнѣ плела вѣночки?
„Теперь же, гдѣ трава, гдѣ птички, гдѣ цвѣточки?
„Ахъ! горько и смотрѣть!“ —

Дорида.

Все, все намъ знать даетъ,
Что ужь зима не за горами,
Что скоро къ намъ она съ морозами, снѣгами,
Съ метелями придетъ.
Да чу! синичка прокричала:
А это знакъ худой: я часто примѣчала,
Когда покажутся синички по лѣсамъ,
То жди уже зимы!

Титиръ.

Я знаю это самъ;
Но вѣдь меня не столь страшатъ морозы люты,
Какъ-то, что я зимой
Ужь рѣдко видѣться могу съ тобой.
Достанется ли въ день намъ и одной минуты?
И то все при людяхъ, и то когда—когда!
А я люблю съ тобой одинъ быть иногда:

Дорида.

Мнѣ и самой съ тобою
Пріятнѣй какъ-то быть одною.
Когда мы вмѣстѣ, глазъ на глазъ,
То мнѣ сдается всякой разъ,
Что будто говорю складнѣе,
Дышу свободнѣе и чувствую смѣлѣе!
Зимой же — правду ты сказалъ, любезной другъ—
Гдѣ, гдѣ удастся намъ, какъ лѣтомъ, быть самъ-другъ...
Но вотъ—постой на часъ—пришла мнѣ мысль какая:
Когда зима лихая
Намъ будетъ видѣться мѣшать,
То знаешь ли, себя чѣмъ можемъ утѣшать?...
Прекрасно! точно такъ! Ну полножь горевать!

Титиръ.

Чѣмъ? говори скорѣй!

Дорида.

Мы станемъ на досугѣ
Почаще думать другъ о другѣ,
Или прошедшее на память приводить,
А это все равно почти, что вмѣстѣ быть.
Вотъ напримѣръ: когда вечернею порою
Мы соберемся всей сѣмьёю
У алаго огня,
Тогда себѣ представлю я,
Что, можетъ быть, и ты съ своей роднёю
Сидишь у огонька — задумаюсь — и вдругъ....

Вдругъ мнѣ покажется, какъ будто ты со мною,
Что будто близь меня ты, мой безцѣнный другъ!
Не то, такъ сдѣлаю другое:
Я вспомню про весну, про лѣто золотое,
Про игры, рѣзвости, забавы — а у насъ
Безъ нихъ бывало ни на часъ —
Тутъ придетъ мнѣ на мысль любимый нашъ лѣсочикъ,
Гдѣ часто ты меня такъ сладко цѣловалъ;
Тотъ каждый ручеекъ, тотъ холмикъ, тотъ кус-
точикъ,
Гдѣ неожиданно Дориду ты встрѣчалъ,
Гдѣ спящую меня свирѣлью пробуждалъ.
Припомню, словомъ, все — и мнѣ вообразится,
Что я не въ хижинѣ, а въ полѣ, и весной;
Что все вокругъ меня цвѣтетъ и веселится;
Что ты со мной;
Что будто въ самомъ дѣлѣ
Я слышу звукъ твоей свирѣли;
Что будто вправду ты меня
Цѣлуешь спящую, вонъ тамъ, гдѣ верхъ склоня,
Ручей береза осѣнила!

Титиръ.

Дорида! ты меня плѣнила!
Дорида! рѣчь твоя, какъ бѣлый медъ сладка!
Теперь уже печаль Титира далека:
Ты, ты ее изъ сердца истребила!
Пускай придетъ зима, пусть снѣгъ покроетъ лугъ,
Наступятъ вьюги и морозы —
Поблекнутъ ли отъ нихъ, твои, мой милый другъ,

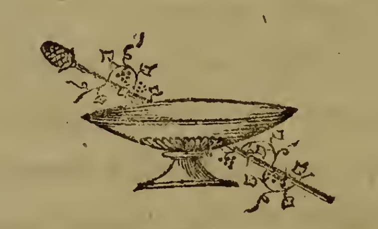
На полныхъ щечкахъ розы?
Нѣтъ, съ холоду онѣ алѣе разцвѣтутъ.
Пусть — но чего конечно не случится —
И цѣлыя для насъ недѣли такъ пройдутъ —
Чего разлуки намъ страшиться?
Тамъ нѣтъ ее, гдѣ вѣрная любовь!
Ты въ этомъ лишь теперь Титира убѣдила,
Безъ умыслу меня такъ мило пристыдила.

Дорида.

И какъ же радостно весну мы встрѣтимъ вновь!

Титиръ.

О, дай Богъ, чтобъ зима скорѣе приходила!



ИДИЛЛІЯ XXI.

Выздоровленіе Ликаста.

Чудесно Пастушокъ Ликастъ освободился
Недуга тяжкаго, которымъ онъ страдалъ.
Тогда была весна: міръ юностью блисталъ,
И вновь, казалося, въ Эдемъ преобразился;
Дни становилися краснѣе и краснѣй.
Ликастъ сгаралъ отъ нетерпѣнья
Взглянуть среди полей
На общій пиръ творенья.
О! какъ забилось сердце въ немъ,
Когда однимъ прекраснымъ днемъ,
Покинувъ скучный одръ, и вышедъ изъ селенья,
Остановился онъ надъ сребрянымъ прудомъ,
Въ мѣстахъ, гдѣ проводить любилъ часы полдневны!
Кругомъ его поля, цвѣтами испещренны,
Предъ нимъ зерцало водъ,
Въ которомъ неба сводъ
И берегъ зрѣлись отраженны;
Вдали верхи синѣлись горъ;
Слухъ нѣжилъ сладкій птичекъ хоръ,
А въ слабу грудь, съ дыханьемъ,
Цвѣтущихъ яблоней, грушъ, вишень и сиренъ

Лилось благоуханье.
Красой природы восхищенъ,
Священнаго исполненъ умиленья,
Пастухъ на небо взоръ возвелъ
И тихо произнесъ въ жару благоговѣнья:
,,О Панъ! еще ли восхотѣлъ
Вновь даровать мнѣ жизнь, дни возвратить отрадны?
Ещель любуюсь я весной,
Свѣтъ вижу солнечный, сводъ тверди голубой,
Вдыхаю воздухъ ароматный?
Такъ я живу! и жребій благодатный
По прежнему благословляю мой!
Ахъ! не со мною ль вы еще, друзья, родныя?
Не съ вами ли, отецъ и мать,
Какъ было, провожу минуты дорогія?
А очи Нисы голубыя
Не говорятъ ли мнѣ: *люблю тебя*! опять? —
О милосердый Богъ! чѣмъ, чѣмъ могу воздать
За благости толики?
Мои стяжанья не велики:
Всего лишь два барашка у меня;
Но завтра принесу тебѣ обоихъ я!" —

На утріе, едва взошло свѣтило дня,
Какъ въ храмѣ Пановомъ огнь жертвенный курился,
Предъ нимъ Ликастъ молился.



ИДИЛЛІЯ XXII.

Сновидѣніе.

Меналкъ.

Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, что случилось съ тобою?

Миконъ.

Меня потревожилъ сегодншній сонъ:
Посмѣйся Меналкъ надо мною.

Меналкъ.

О, вѣрно ты видѣлъ подземныхъ боговъ?

Миконъ.

Напротивъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ, иль больше, годовъ
Съ меня непримѣтно свалилось....

Меналкъ.

Увы! это только во снѣ набѣду.

Миконъ.

Что будто, ставъ юношей снова,
Въ какомъ-то обширномъ, прекрасномъ саду,
Подъ тѣнію мирта густова
Лежалъ я на мягкой душистой травѣ;

Въ кустахъ соловьи распѣвали;
Зефиры жь, скрываясь въ цвѣтахъ, муравѣ,
Прохладой въ лице мнѣ дышали;
А шумъ водопада въ сосѣднемъ лѣсу,
Сквозь чащу деревъ проникая,
Все больше и больше склонялъ отъ часу
Къ дремотѣ . . . .

Меналкъ.

И ты, засыпая....

Миконъ.

Я нéспалъ. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ
Пастушка, осанкой богинѣ —
Цвѣтущей красою подобясь веснѣ —
(Взоръ дѣвы, склоненный къ корзинѣ,
Глубокую сердца печаль выражалъ);
Приближилась— стала — взглянула —
И что же? Кого я въ Пастушкѣ узналъ?....
Дориду!

Меналкъ.

Дочь старца Эввула?

Миконъ.

Дориду, подругу младенческихъ лѣтъ,
Которой любовь озарила
Блаженствомъ Миконовой жизни разсвѣтъ,
Завидную участь сулила!
Которую воля всесильныхъ боговъ
Діяниной жрицей назвáла

Въ то время, какъ нѣжность счастливыхъ отцовъ
Намъ брачный вѣнокъ соплетала!....
Прельщенъ, очарованъ видѣньемъ такимъ
Я бросился къ милой, но прежде,
Чѣмъ обнялъ, видѣнье изчезло какъ дымъ —
Лишь руки коснулись къ одеждѣ —
И я, пожалѣй, пробудился отъ сна!

Меналкъ.

Такъ это тебя возмущаетъ? —
Не дважды въ теченіи года весна
Цвѣтами поля убираетъ —
Не дважды, товарищъ, намъ быть молодымъ.
Ты за тридцать за пять считаешь,
Слывешь въ околоткѣ разумнымъ такимъ,
Самъ твердо увѣренъ и знаешь,
Что прошлаго снова нельзя воротить,
А хочешь (какъ другъ, попѣняю)
Ребенокъ! бѣгущую тѣнь изловить.

Миконъ.

О, слишкомъ увѣренъ и знаю!
И завтра охотно готовъ надъ собой
Съ тобою же вмѣстѣ смѣяться;
Но нынѣ съ прелестной о прошломъ мечтой,
Повѣрь мнѣ, не въ силахъ разстаться!
Какъ осенью солнце внезапно блеснетъ,
Прощаясь съ унылой природой,
И птичка весеннюю пѣсню поетъ,
Обманута ясной погодой;

Такъ я, обольщенный сегодняшнимъ сномъ,
Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ наяву продолжится!



Идил: XXIII.



Рис: И. Ивановъ. Гр: И. Ческий.

ИДИЛЛІЯ XXIII.

Сыновняя любовь.

Наскучивъ водной глубиной
И рыбъ бесѣдой молчаливой,
Наяда юная полдневною порой
Отъ сонной матери укралась торопливо,
И вышла изъ рѣки. О прелесть! по плечамъ
Бѣлолилейнымъ, полнымъ,
По дѣвственнымъ грудямъ
Струилися густыхъ власовъ златыя волны;
Уста, достойныя лобзанія боговъ;
Ланиты розами алѣли;
Глаза, какъ небо голубѣли:
Станъ гибкой.... гдѣ найду я словъ
Къ приличному всего изображенью?
Такъ у Цитерскихъ береговъ,
Олимпа звѣзднаго и смертныхъ къ удивленью,
Изъ пѣны нѣкогда морской
Явилась Зевса дщерь. — Весенне время года,
День ясный, тихая погода,
Всему давали видъ иной,
Великолѣпнѣйшій. Наяда засмотрѣлась:
Здѣсь зелень, тамъ цвѣты ея плѣняли взоръ;

Возстанетъ отъ одра: онъ страждетъ, при кончинѣ!
Спаси его, молю! — „Да будетъ!“ — Голосъ рекъ;
И старецъ изнуренный, хилый,
Стоявшій на краю могилы,
Вновь ощутилъ въ себѣ здоровье; прежни силы —
Еще его продлился вѣкъ.



ИДИЛЛІЯ XXIV.

Ревность.

Денъ лѣтній вечеромъ прекраснѣйшимъ смѣнялся.
Вдругъ неожиданно отъ сѣвера промчался
Суровый вѣтръ по деревамъ,
По тихимъ, зеркальнымъ водамъ;
Прудъ посинѣлъ и всколыхался;
Взвилась дорогой пыль столбомъ;
Блеснула молнія, и отдаленный громъ
Въ глухихъ по небесамъ отзывахъ прокатился.

Пастушки, пастухи, встревоженны грозой,
Бѣжали по полю со всѣхъ сторонъ домой;
Одинъ Филетъ не шевелился,
Печально опершись на обгорѣлый пень. —
Увы! онъ въ этотъ самый день,
Любовникъ слишкомъ страстный,
Всю муку ревности на опытѣ узналъ. —
Ахъ! кто любилъ и не страдалъ?

„Пускай они бѣгутъ—такъ говорилъ несчастный—
Хочу остаться здѣсь. Сей грозный неба видъ,
Съ жестокой бурею души моей согласный,

Меня теперь не устрашитъ.
Мнѣ весело смотрѣть на ужасы природы,
На этотъ яркій молній блескъ,
На хлещущія въ берегъ воды,
Внимать ихъ шумъ и грома трескъ!"....

„Вотъ до чего меня ты, Сильвія, доводишь!
Неблагодарная! скажи, что сдѣлалъ я?
Кого изъ пастуховъ находишь,
Ктобъ такъ умѣлъ любить тебя?
Предупреждать твои, угадывать желанья,
Малѣйшей ласкою твоею дорожить,
И не хотѣть за все инаго воздаянья,
Какъ развѣ поцѣлуй украдкой получить?
Межь тѣмъ, когда другой..... Ахъ, что и говорить!
Ты это видишь, знаешь,
И будто какъ на смѣхъ,
На зло любви моей, съ пріятностью отъ всѣхъ
Услуги разныя, подарки принимаешь!
Съ Дамономъ пляшешь до утра,
Съ Тиметасомъ поешь, съ Аристасомъ играешь!
А помѣшай тебѣ, напомни, что пора
Идти домой изъ хоровода —
Другая, новая невзгода!
Ты тотчасъ—слова нѣтъ—плясать перестаешь,
Но уходя, съ такимъ упрекомъ
Своими черными глазами поведешь,
Что даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Они, мечтаясь мнѣ, смущаютъ мой покой! —

Пусть этому мученью злому,
Какъ увѣряешь ты, я болѣе виной,
Ревнуя попустому —
Чѣмъ оправдаешься, когда сего дня самъ,
Случайно подходя къ орѣховымъ кустамъ,
Нашелъ тебя.... почти въ объятіяхъ другова,
Прекраснаго и молодова,
Но незнакомаго мнѣ вовсе пастуха?
Ты на плечо къ нему склонялась головою,
Въ твоей рукѣ была его рука!
Сокрытый листьевъ густотою,
Я пристально смотрѣлъ на васъ, и трепеталъ;
Хотѣлъ изобличить внезапнымъ появленьемъ,
Но пощадилъ тебя, смирилъ души движенье,
И, какъ безумной, вглубь дубравы побѣжалъ.
Чѣмъ оправдаешься?.... Ахъ! что мнѣ въ оправданьи!
Я больше сдѣлаю: я скрою твой позоръ,
Измѣну лютую перенесу въ молчаньи;
Но знай, что съ этихъ поръ
Мнѣ все въ тебѣ противно стало!
Съ тобою опостылѣлъ свѣтъ
И сердце для любви увяло!
Тоска, какъзмѣй, его сосетъ;
Она вездѣ за мной пойдетъ,
Въ дремучіе лѣса, въ безплодныя пустыни,
Гдѣ — новой Тиманъ нелюдимъ (3) —
Я буду жизнь влачить отнынѣ!
Такъ, удалимся, убѣжимъ! —
Но прежде, нежели измѣнницей гонимый,

Навѣкъ покину край родимый,
Хочу (и завтра же, покуда спитъ она)
Украсть съ ея окна
Подарокъ мой, узорчатую кружку,
Разбить ее на мѣлкіе куски,
И съ корнемъ выдергать цвѣтки,
Которые, когда еще любилъ Пастушку,
Я самъ развелъ въ ея саду:
Пускай, когда отсель уйду,
Когда меня не станетъ,
Ей обо мнѣ ничто не напомянетъ!" —

Едва заря другаго дня
Струей пурпуровой небеснаго огня
По омраченному востоку пробѣжала,
И отразилася по горнымъ высотамъ,
Филетъ ужь былъ въ саду. Но что увидѣлъ тамъ?
Увидѣлъ Сильвію, которая стояла,
Склонивши взоръ къ его цвѣтамъ;
Услышалъ, какъ она сказала:
„О боги! цѣлаго ни одного почти!
„Всѣ бурею вчерашней поломало!
„Такъ, имъ ужь больше не цвѣсти,
„Не утѣшать меня!... Я по часамъ бывало
„Смотрю, любуюся на нихъ,
„И думаю всегда объ этомъ:
„Они посажены для Сильвіи Филетомъ,
„А онъ... онъ милый мой, и, можетъ быть, женихъ
„Теперь—зачѣмъ приду въ свой садикъ опустѣлый?" —

Филетъ не вѣрилъ самъ себѣ,
Стоялъ въ кустахъ окаменѣлый,
Дивился Сильвіи и собственной судьбѣ. —
„Ахъ! повтори еще, что ты сей часъ сказала!—
Вскричалъ онъ наконецъ—дай мнѣ услышать вновь,
Что дорога тебѣ Филетова любовь,
Что ты ему не измѣняла!“

Сильвія.

Ахъ! это ты, Филетъ? какъ блѣденъ и смущенъ!...
Какой вопросъ!... Еще ли мнѣ не вѣришь?

Филетъ.

О! если ты не лицемѣришь,
То я.... иль видѣлъ сонъ, иль былъ обвороженъ!
Скажи, съ кѣмъ ты сидѣла
Вчера въ орѣховыхъ кустахъ?
Но ты, мнѣ кажется, краснѣешь, обомлѣла?

Сильвія.

Ахъ, успокойся, не сердись!
Пастухъ, котораго вчера со мною видѣлъ,
Былъ старшій братецъ мой, Тирсисъ.
Филетъ! ты Сильвію обидѣлъ!

Филетъ.

Тирсисъ? но десять уже лѣтъ,
Какъ о Тирсисѣ слуха нѣтъ?

Сильвія.

Да; онъ похищенъ былъ разбойниками злыми,
И вскорѣ варварамъ какимъ-то проданъ ими;
Въ неволѣ тяжкой жилъ; тамъ выросъ, возмужалъ,

Ждалъ случая уйти, нашелъ — и убѣжалъ
Пойдемъ, пойдемъ къ нему! теперь онъ вѣрно всталъ.

Филетъ.

Возможно ли!.... какъ глупъ я съ ревностью моею!
Стыжусь, и на тебя взглянуть почти не смѣю.
Прости меня, прости!

Сильвія.

Прощаю отъ души!
Я съ живостью моей не меньше виновата.
Но посмотри: уже дымятся шалаши;
Пойдемъ; узнаешь ли ты брата?

Тутъ обнялись они,
Сто разъ поцѣловались:
Когдажъ желанія сердецъ ихъ увѣнчались —
Чета примѣрная—вели такіе дни,
Что ихъ согласіемъ другіе любовались.



Идиллія XXV (4).

Осень.

Мрачно Октябрское небо;
Печаленъ природы отцвѣтшія видъ;
Ни взору, ни слуху отрады:
Душа унываетъ и сердце невольно груститъ! —

Солнце во млгѣ потонуло!...
Бывало вершины лѣсистыхъ холмовъ,
Сіяя, мнѣ день возвѣщаютъ;
А запада пурпуръ и розовыхъ сонмъ облаковъ,
Въ зеркалѣ водъ отражаясь,
Зовутъ насладиться картиной другой.
Теперь же густые туманы
Скрываютъ и холмы и дымомъ встаютъ надъ рѣкой.
Прежде сквозь этотъ кустарникъ
Невидимо тихій катился ручей;
Теперь онъ потокомъ сердитымъ
Стремится, шумитъ и межь голыхъ сверкаетъ
вѣтьвей.
Овцы разсѣянно бродятъ;
Голодныя ищутъ близь корней дерёвъ
Остатковъ травы уцѣлѣвшей;
Воловъ заунывный въ долинѣ мнѣ слышится рёвъ,

Теплой окутанъ одеждой,
Пастухъ, пригорюнясь, на камнѣ сидитъ;
Товарищь его наразлучный,
Собака, не ластится больше къ нему и скучи́тъ.—
Поздній цвѣтокъ колокольчикъ!
Недолго тропинки тебѣ украшать:
Суровою осень рукою
Готова послѣднее Флоры убранство пожать! —

Мрачно Октябрское небо;
Печаленъ природы отцвѣтшія видъ;
Ни взору, ни слуху отрады:
Душа унываетъ и сердце невольно груститъ! —

Смо́тря на желтые листья,
На ликъ помертвѣлый окрестной страны,
Со вздохомъ себя вопрошаю:
Дождусь ли я снова, дождусь ли возврата весны?
Рощи одѣнутсяль въ зелень?
Распустятсяль въ полѣ душисты цвѣты?
Раздастся ли пѣніе птичекъ
Въ часъ утра съ безоблачной, ясной небесъ высоты? —
Рощи одѣнутся въ зелень,
Распустятся въ полѣ душисты цвѣты,
Попрежнему пѣніе птичекъ
Раздастся съ безобла́чной, ясной небесъ высоты:
Тыжь, пролетѣвшая быстро,
Какъ призракъ прелестный минутнаго сна,
Сокрывшись, увянувъ однажды,
Ко мнѣ не воротишься больше, ты, жизни весна!

Тщетно, съ душой возмущенной,
О дняхъ наслажденій я буду вздыхать,
Безцѣнныя первыя чувства!
Васъ, дружба, любовь и невинность къ себѣ призывать:
Опытъ холодной рукою
Сжалъ сердце, пылавшее въ юной груди;
Лѣта научили разсудку,
Но сколько же милыхъ сокрыли надеждъ впереди!
Дружба, обнявшись съ любовью,
Рыдаютъ и кажутъ мнѣ гробы вдали:
Тамъ лучшіе спутники жизни!
Но ахъ! имъ не встать на призывъ мой, не встать
из земли!...

Мрачно Октябрское небо!
Печаленъ природы отцвѣтшія видъ;
Ни взору, ни слуху отрады:
Душа унываетъ и сердце невольно груститъ!—



ПРИМѢЧАНІЯ.

1). Нѣкоторые Писатели утверждают, что въ подобныхъ пастушескихъ спорахъ, не токмо число стиховъ въ куплетахъ, но и самый размѣръ оныхъ, должны быть совершенно одинаковы у обоихъ пѣвцовъ. Сохранивъ здѣсь первое, я позволилъ себѣ отступить отъ втораго; ибо увѣренъ, что если размѣръ пѣсни можетъ служить [при чтеніи] нѣкоторою замѣною голоса или напѣва, то сіе различіе онаго представляетъ возможность дать пѣнію того и другаго лица различные звуки.

2). Здѣсь намѣкаю я на того Дафниса, о коемъ говорено въ первомъ примѣчаніи къ Предисловію. Если разсказъ его покажется кому либо исполненнымъ піитическаго жара, превышающаго краснорѣчіе, даже Аркадскаго пастуха, то прошу вспомнить, что Дафнисъ былъ Поэтъ, воспитанный Музами, вдохновенный богами. Впрочемъ языкъ страсти краснорѣчивъ обыкновенно.

3). Извѣстный Греческой человѣконенавистникъ. Онъ родился около 420 года въ Аттикѣ, въ городкѣ Калитѣ, и не скрывалъ

ни отъ кого жестокой своей ненависти къ человѣческому роду. Не мудрено, что онъ, скитаясь по лѣсамъ, сдѣлался извѣстенъ и между пастухами.

4). Сія двадцать пятая Идиллія написана уже тогда, когда Предисловіе было отпечатано, и потому тамъ исчислено только двадцать четыре. Мнѣ присовѣтовали помѣстить ее въ семъ собраніи. Наблюдательный читатель конечно замѣтитъ, что она отличается отъ прочихъ какъ расположеніемъ своимъ, такъ и характеромъ самаго содержанія; однимъ словомъ: онъ найдетъ, что ее можно отнести къ роду Идиллій Гжи Дезульеръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*) Никто, конечно, не подумаетъ, чтобы сія и другія, за нѣсколько лѣтъ назадъ написанныя Идилліи, являлись здѣсь въ первоначальномъ своемъ видѣ: онѣ столько разъ были исправляемы, что нѣкоторыя сохранили, можетъ быть, одно прежнее содержаніе.


THE LIBRARY OF CONGRESS


THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept —Oct